

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ – 5: ОТ ПОВОРОТА НА ВОСТОК К БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

МОСКВА, СЕНТЯБРЬ 2017

Доклад подготовлен на основе серии исследований, проведенных в конце 2016 – начале 2017 гг., и ситуационного анализа на тему «Поворот на Восток: новый этап и повестка сотрудничества», состоявшегося 20 февраля 2017 г.

В ситуационном анализе приняли участие:

С.А. Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), ведущий ситанализа;

О.Н. Барабанов, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ;

А.А. Безбородов, генеральный директор агентства Infranews;

А.О. Безруков, доцент Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Т.В. Бордачёв, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ;

А.М. Высоцкий, референт департамента международного сотрудничества Правительства Российской Федерации;

М.Н. Евдокимов, директор Первого департамента стран СНГ Министерства иностранных дел Российской Федерации;

В.Б. Кашин старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН;

А.Н. Клепач, заместитель Председателя (главный экономист) – член Правления Внешэкономбанка;

А.Б. Лихачёва, заместитель директора по прикладным исследованиям Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ;

А.В. Лукин, руководитель департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики (МЭ и МП) НИУ ВШЭ;

Ф. А. Лукьянов, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор-исследователь факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума СВОП;

И.А. Макаров, руководитель образовательной программы «мировая экономика» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ЦКЕМИ НИУ ВШЭ;

А.В. Муравьёв, руководитель Ближневосточной секции Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ;

Н.В. Стапран, директор Департамента поддержки проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе Министерства экономического развития Российской Федерации;

В.А. Шупер, ведущий научный сотрудник Института географии РАН;

М.Л. Энтин, член международно-правового совета при МИД России, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Авторский коллектив:

Сергей Александрович Караганов

руководитель авторского коллектива и ответственный редактор,
декан факультета мировой экономики и мировой политики
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
почётный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП)

Тимофей Вячеславович Бордачёв,

ответственный редактор,
программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»,
директор Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ

Алексей Алексеевич Безбородов,

генеральный директор агентства Infranews

Василий Борисович Кашин,

старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований
НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

Александр Сергеевич Королёв,

стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Анастасия Борисовна Лихачёва,

заместитель директора по прикладным исследованиям Центра комплексных европейских
и международных исследований НИУ ВШЭ

Игорь Алексеевич Макаров,

руководитель образовательной программы «мировая экономика» факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских
и международных исследований НИУ ВШЭ

Илья Александрович Степанов,

стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Анна Константиновна Соколова,

стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Вероника Антоновна Шумкова,

стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

*Данный текст отражает личное мнение авторов,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Использованные сокращения

АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций
АБР – Азиатский банк развития
АСЕАН – Ассоциация стран Юго-Восточной Азии
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭС – атомная электростанция
БЕ – Большая Евразия
БРИКС – группа стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВРЭП – Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство
ВТО – Всемирная торговая организация
ВТС – военно-техническая сфера
ВЭФ – Восточный экономический форум
ГМО – генетически модифицированный организм
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет
ДФО – Дальневосточный федеральный округ
ЕАСТ – Европейская ассоциация свободной торговли
ЕАЭС – Евразийский экономический союз
ЕБРР – Европейский банк реконструкции и развития
ЕС – Европейский союз
ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия
ЗСТ – зона свободной торговли
КНР – Китайская народная республика
МСП – малое и среднее предпринимательство
МТК – международный транспортный коридор
НБР БРИКС – Новый банк развития БРИКС
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности
ООН – Организация Объединённых наций
ОПК – оборонно-промышленный комплекс
ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ – прямые иностранные инвестиции
ПРО – противоракетная оборона
СПВ – Свободный порт Владивосток
ТН ВЭД – товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности
ТНК – транснациональная корпорация
ТОР – территория опережающего социально-экономического развития
ТТП – Транстихоокеанское партнёрство
ФИС – Федеральная информационная система
ФО – Федеральный округ
ФРДВ – Фонд развития Дальнего Востока
ФТС – Федеральная таможенная служба
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ЭКСАР – Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций
ЮВА – Юго-Восточная Азия

Содержание

Вступление. Поворот состоялся	5
I. Россия и её партнеры в Азии и Евразии	8
Общие выводы.....	20
II. Развитие Сибири и Дальнего Востока	21
III. Что такое Большая Евразия?.....	28
IV. Дорожная карта на завтра.....	31
4.1. Общие контуры стратегии	31
4.2. Цели России в Азии и Евразии	34
Создание континентальной системы безопасности.....	34
Укрепление институтов сотрудничества и интеграции	36
Снижение барьеров для торговли.....	39
Укрепление системы поддержки экспорта	40
Налаживание технологического сотрудничества в Азии и в Евразии	41
Сотрудничество с международными институтами развития	45
Новое международное позиционирование Дальнего Востока	46

Вступление. Поворот состоялся

Нынешний тур российского поворота на Восток был задуман во второй половине 2000-х гг. как во многом запоздалый экономический ответ на подъём Азии, открывавший для России, в первую очередь для её восточной части, многие новые возможности для развития. Этот потенциальный подъём позволял превратить Зауралье, Дальний Восток из преимущественно имперского бремени или тыла в противостоянии с Западом, иногда фронта в соперничестве с Японией или Китаем, в потенциальную территорию развития и роста для всей страны. Целесообразность поворота обосновывалась и прогнозом представлявшегося неизбежным замедления экономики главного традиционного партнёра – Европы – и усложнением взаимоотношений с ней и с Западом в целом. Становилась ещё более очевидной необходимость диверсификации экономических связей, внешних источников развития.

Эти оценки были подкреплены рядом мощных тенденций, выявившихся за последнее десятилетие. Во-первых, это небывало быстрое в истории перераспределение мировых сил. Во-вторых, развал и кризис «мирового порядка», навязывавшегося миру Западом с начала 1990-х гг., показавшийся ему окончательной «победой». В-третьих, это вышедший на поверхность процесс относительной деглобализации и регионализации мировой экономики и политики. В-четвёртых, это политизация экономических отношений, убыстрявшаяся, связанная с предыдущими тенденциями и делающая взаимозависимость и зависимость от одного рынка относительно менее выгодной, если не просто опасной.

Наконец, вышла на поверхность тенденция «Азия для Азии» вместо «Азия для мира». Развитие в Азии, в Китае стало всё больше ориентироваться на внутренние и региональные рынки. Параллельно стал нарастать процесс духовно-идейной эмансипации

в прошлом великих цивилизаций Азии, оказавшихся в последние два века в колониальной или полуколониальной зависимости от Запада. Азиатские страны впитали многие западные достижения, воспользовались созданным им либеральным мировым экономическим порядком, усилились и стали требовать себе адекватного места и на идеостратегической карте мира.

Стала очевидной и неизбежность хотя бы временного отхода США, уставших от затратной роли мирового гегемона. Уже Б. Обама пришёл с курсом на внутреннее возрождение. Но старые элиты и инерция не позволили ему уйти от дорогостоящего и неэффективного интервенционизма. Трамп усилил тенденцию «ухода в себя». США превратились в опасную амальгаму остаточного интервенционизма и полуизоляции. Всё более очевидно США стремятся к созданию своего собственного центра, частично сбрасывая невыгодные глобальные обязательства. Начала складываться тенденция к формированию через многополярный мир с его неизбежным хаосом условно двухполярного мира. С одним полюсом вокруг США, другим – в Евразии. Экономическим ядром последнего выглядит Китай. Но евроазиатский центр состоится, только если Пекин не будет претендовать на роль гегемона. Но, как бы то ни было, оказалось, что, наконец повернув на Восток, Россия открыла для себя многие изначально не очевидные для многих возможности.

Поворот России на Восток, многократно провозглашавшийся, но реально начавшийся политически и экономически только в 2011–2012-х гг., во многом произошёл. Несмотря на спад российской внешней торговли и девальвацию рубля, торговля с Азией снова растёт – быстро увеличивается её доля в общем внешнеторговом обороте страны. Уходит в прошлое невыгодная

и нездоровая структура торговли, сложившаяся в годы развала советского хозяйственного комплекса и хаотического восстановления, когда страна в обмен на энергоносители получала относительно дорогие и менее экономически эффективные товары с Запада, прежде всего из Европы. Диверсификация внешнеторговых потоков создаёт для России более выгодные позиции и в экономическом, и в политическом торге, смещает его баланс в её пользу.

На Восток идут не только энергоносители, но и в растущей степени сельскохозяйственная продукция, другие водоёмкие товары, вооружения. Начался быстрый рост инвестиций, пока в значительной мере из Китая. По разным оценкам их накопленный объём уже составляет от 16 до 30, если уже не 40 млрд долл. Дальнейший рост торговли и инвестиций заложен серией макропроектов в энергетической области, запуском проекта Свободный порт Владивосток, в который входят большинство портов российского тихоокеанского побережья. Начали функционировать 18 ТОР. Хотя есть и очевидные проблемы, недоработки как на уровне Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и подчиненных ему агентств, так и на уровне региональных властей. Сильна инерция ныне явно устаревшего европоцентризма.

Отношения России и Китая носят де-факто, но не де-юре союзнический характер. Они всё больше дополняются и балансируются укреплением отношений с Японией, Вьетнамом, другими странами АСЕАН, Индией, Южной Кореей, Ираном. Вместо предсказывавшегося соперничества между Москвой и Пекином в Центральной Азии налаживается, хоть и медленно, сопряжение между ЕАЭС и китайским Шёлковым путём. По сути, создаётся стратегическое партнёрство по стабилизации этого региона, где Россия отвечает больше за безопасность, а Китай – за благосостояние. Хотя сейчас Россия для большинст-

ва стран, например, Центральной Азии является главным гарантом социальной стабильности, предоставляя рабочие места сотням тысяч выходцев из этого региона. Российская политика в Азии становится всеобъемлющей, стратегической. Но впереди ещё долгий путь.

Замедлился отток населения с Дальнего Востока. Можно ждать его прекращения, а дальше и поворота вспять уже в ближайшее десятилетие. Разумеется, экономический поворот идёт крайне медленно и из-за накопленной инерции, в том числе экономического мышления, и из-за медлительности российского госаппарата, коррумпированности элит и, главное, из-за экономической стагнации, слабости инвестиционного климата, в первую очередь для российского МСП. Сибирь пока не стала землей экономической свободы. А только так она и развивалась, когда развивалась, в царские времена. Показательно, что до сих пор не реализовано решение правительства по переносу головных офисов ряда корпораций и федеральных ведомств на Дальний Восток. А мы вообще считаем целесообразным создание третьей, восточной, сибирской, тихоокеанской, столицы России.

Повторим, впереди ещё долгий путь. Но главное произошло – изменилась геостратегическая и геоидеологическая ориентация российской правящей элиты. На протяжении последних более чем 300 лет, несмотря на продолжавшуюся территориальную экспансию на Восток, наша элита по большей части полагала свою страну периферией Европы, стремящейся к ней или отталкивающейся от нее. В Европе такое стремление благосклонно подпитывали, пытались получить и часто получая от стремящегося в клуб кандидата экономические и политические уступки. Последний пример – провалившаяся попытка поздней советской и ранней российской элит «стать своими», играть по предложенным правилам роль ученика.

Подстегнули охлаждение стремления России к Европе новейшие европейские, часто уже постевропейские ценности, и брюссельский (и берлинский) демократический мессианизм, начавший усиливаться с конца 2000-х гг. параллельно с нараставшими проблемами внутри ЕС.

Из провинциальной европейской Россия стала самоопределяться как центральная евразийская или, возможно, как северная евразийская держава

На социальном уровне большая часть российского общества получила то, что в России считалось «Европой» – полные прилавки магазинов, более комфортную и гуманную среду обитания, возвращение к христианству, элементам демократии, большинство необходимых технологий. А современный европейский политический строй и новейшие постевропейские ценности у большей части российского общества пока (или вообще) не востребованы.

И, понятно, ключевую роль в ослаблении стремления большей части российских элит к Европе сыграла жадная и безрассудная неовеимарская политика экспансии западных союзов на территории, которые в России считали жизненно важными с точки зрения обеспечения её безопасности, за которые народы Российской империи и СССР положили многие миллионы жизней. Эта политика привела к провалу проекта создания устойчивой системы европейской безопасности, общеевропейского дома, союза Европы.

Напряжение и взаимное отстранение нарастали постепенно. Наконец, в 2013–2014 гг. произошло резкое обострение политических отношений. Введение санкций как для оказания давления на Россию, так и, ещё больше в попытке создать «внешнего врага», остановить внутреннее расползание ЕС, показало

опасность чрезмерной экономической зависимости от европейского рынка, подстегнуло поворот к новым рынкам.

Отстранение от Европы пошло и на идеологическом уровне: старообразные антизападные и антиевропейские евразийцы были частично оттеснены бывшими относительно западниками. Часть из них стала заявлять, что «Россия – не Европа». Другая часть элиты стала утверждать, что Россия и есть настоящая Европа, а ЕС – больше нет. Третья часть, не идя столь далеко, стала считать разумным курс на возможно временную культурную и политическую отстранённость.

Вопрос о культурном самоопределении России визави Европы окончательно не определен. Хотя направление движения очевидно. Но главное произошло всё-таки в политике и геостратегическом самоопределении и всё больше – в экономике. Из провинциальной европейской Россия стала самоопределяться как центральная евразийская или, возможно, как северная евразийская держава. Евразия в российском современном геополитическом мышлении включает и Запад континента и не является антиевропейской концепцией, как это было в построениях старых российских, советских и снова российских евразийцев.

Новая российская геополитическая и геоэкономическая самоидентификация означает эмансипацию от моральной и политической зависимости от Запада, качественное усиление позиций в диалоге и взаимодействии с ним. При этом Россия не собирается отказываться от сотрудничества с европейскими странами там, где оно приносит пользу. Такой отказ не только не выгоден экономически, да и невозможен, но и идеологически опасен, угрожает идентичности большинства россиян, считающих себя европейцами, даже если им и не нравится многое

в современной Европе, которая всё больше становится пост-Европой, отказываясь от значительной части ценностей, которые её определяли и которые в России считали своими.

На основе оценки и прогноза геоэкономических и геополитических тенденций, а также опираясь на первые результаты своего экономического, политического и ментального поворота на Восток, в России была высказана идея формирования новой общности – партнёрства Большой Евразии. Эта идея была официально поддержана руководством и России, и Китая, стала двусторонней инициативой, разумеется, открытой для других стран.

Новая российская азиатская политика будет тесно интегрироваться с её вторым, европейским направлением, и с третьим – южным. И с четвертым – северным, арктическим. И, конечно, с американским. По возможности. На новом витке и с новых позиций, и на новых основах весьма полезной стала бы новая активизация сотрудничества страны с другими европейскими странами, россиян – с другими европейцами. Европа – привычный партнёр

и удобный поставщик многих технологий и товаров.

Новое сближение со старыми партнёрами облегчается и российскими внешнеполитическими успехами. На Украине, пусть и с запозданием и большой ценой, была остановлена смертельно опасная экспансия западных союзов. В Сирии – безумная политика смены режимов. Из полувековой, отбивающейся, Россия вернулась к своей привычной роли державы-победительницы, к новой уверенности в себе. Сегодня Россия выступает одним из главных идейных вдохновителей формирования нового мирового геоэкономического и геостратегического полюса – Большой Евразии. За последние два года российской дипломатии удалось достичь значительного прогресса на данном направлении, укрепив сотрудничество с ключевыми региональными партнёрами.

Но Большая Евразия – это общий проект, открытый для всех и не только на самом Евразийском континенте.

С.А. Караганов

I. Россия и её партнёры в Азии и Евразии

Важнейшей особенностью политики поворота на Восток за последние годы стала диверсификация экономических и отчасти политических связей с ключевыми региональными игроками. Сейчас, как результат в том числе и этой политики, отношения каждого из значимых региональных партнёров с Россией гораздо лучше, нежели чем друг с другом. Благодаря тому, что поворот имеет ярко выраженный экономический характер и его первостепенной задачей является внутреннее развитие самой России через привлечение инвесторов

и открытие рынка азиатских государств, удаётся эффективно избежать втягивания в обсуждение свойственных региону морских, территориальных и других споров. Достаточную степень отстраненности Россия демонстрирует и в отношении северокорейской ядерной проблемы, хотя и поддерживает меры ООН по принуждению Пхеньяна к отказу от развития программы оружия массового поражения.

Однако региональные партнёры ещё не до конца понимают цели России и принципы её политики в Азии и Евразии. Это

непонимание пока является препятствием к дальнейшему укоренению России, её товаров и услуг на региональных рынках. Мифы и плохой опыт 20-летней давности рассматриваются как препятствия для инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке. При этом, повторим, цель политики поворота – это развитие России и её регионов, дви-

договоров разной степени глубины, присутствия на политических, дипломатических и экспертных площадках. Всё это должно вести к большей интегрированности России в региональные связи и диверсификации её торгово-экономических и политических отношений.

Китай и китайское руководство сыграли исключительно важную роль в том, что России было легче отстаивать свои интересы в непростые 2014–2016 гг. И при продолжении существующей парадигмы Россия не пойдёт на решения, ущемляющие в чём-либо жизненно важные китайские интересы. Одновременно, развитие экономического сотрудничества, например, с Японией или Республикой Корея является почти не менее важным, чем развитие и укрепление уже сформировавшегося партнёрства, если не де-факто союза, с Китаем.

В силу своего достаточно уникального места в мировой экономике и технологиях Япония изначально рассматривалась как один из ключевых партнёров, в первую очередь потому, что в технологическом и управленческом плане это наиболее развитая страна Азии, в наибольшей степени способная стать донором новых технологий и современных практик управления для российских компаний. Однако украинский кризис и перешедшая в открытую фазу конфронтация России с Западом скорректировали эти планы. Япония под давлением США присоединилась к санкциям против России, и переговоры по большинству новых проектов были заморожены.

Пока основным барьером для российско-японских отношений остаётся неразрешенный территориальный вопрос, касающийся четырех островов на юге Курильской гряды. Серьёзной проблемой служит слабое развитие двусторонней торговли,

Региональные партнёры ещё не до конца понимают цели России и принципы её политики в Азии и Евразии. Это непонимание пока является препятствием к дальнейшему укоренению России, её товаров и услуг на региональных рынках

жение в сторону того, чтобы оставаться полноценной великой державой современного мира. А это в российском случае – тихоокеанско-атлантической, северной и центральной евроазиатской. Необходимым условием приобретения такого качества является субъектность страны в мировой политике и экономике и способность выступать источником важных региональных инициатив и проектов. Что не исклю-

Китай и китайское руководство сыграли исключительно важную роль в том, что России было легче отстаивать свои интересы в непростые 2014–2016 гг. И при продолжении существующей парадигмы Россия не пойдёт на решения, ущемляющие в чём-либо жизненно важные китайские интересы

чает активного подключения к проектам, как подтверждает опыт взаимодействия с китайской инициативой «Один пояс, один путь». Такое сотрудничество может принимать форму торговых

значительно просевшей за последние годы. В 2015 г. двусторонний товарооборот составил 21,2 млрд долл., что на 30,9% меньше показателя предыдущего года. В 2016 г. товарооборот вновь сократился, составив 16 млрд долл.

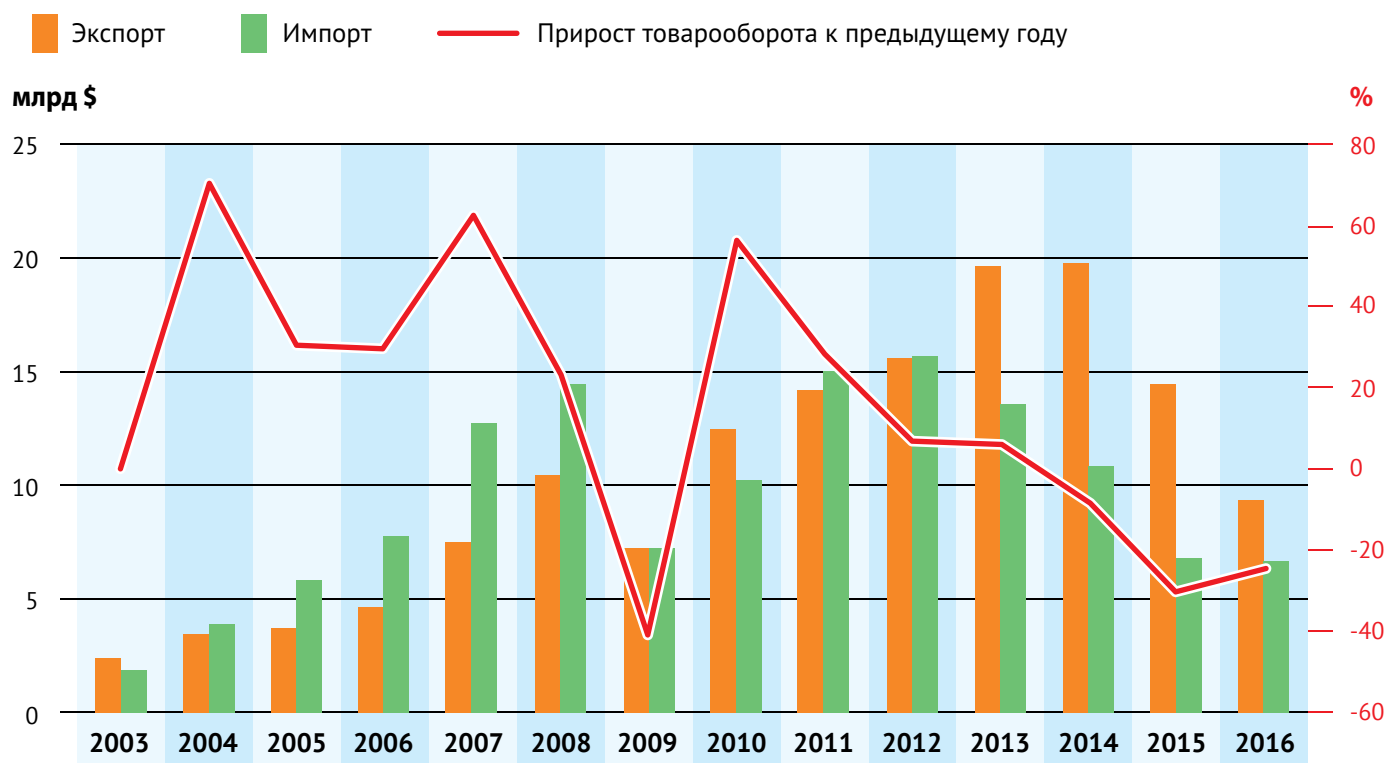
Несмотря на негативную динамику двусторонней торговли, данную тенденцию нельзя рассматривать как свидетельство кризиса в отношениях двух стран. Сравнительно худшая динамика японского экспорта в Россию связана с тем, что в период кризиса российское население перестает закупать товары длительного пользования, составляющие основу японского экспорта в Россию.

Более того, в обозримом будущем стоит ожидать активизации усилий Токио по наращиванию экономического взаимодействия с Москвой, что обусловлено тремя основными факторами. Во-первых, японские компа-

нии заинтересованы в расширении своего присутствия в энергетическом секторе России. Так, доля японской стороны в проекте «Сахалин-1» составляет 30%, в проекте «Сахалин-2» – 22,5%. В 2014 г. доля российского газа на японском рынке достигла 9,5% (11,5 млрд кубометров).

Во-вторых, с учётом стагнации в японской экономике компании ищут возможности выхода на внешние рынки, и Россия в данном случае является естественным выбором. Особенно это касается любых ресурсоёмких отраслей (кроме энергетики, хорошим примером является сельское хозяйство), но отчасти и промышленных отраслей. В результате быстрого роста доходов в странах Восточной Азии и девальвации рубля (снизившей трудовые издержки в долларовом выражении) и с учётом географической близости Россия уже

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С ЯПОНИЕЙ

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

в ближайшее время может быть способна конкурировать с азиатскими соседями в некоторых отраслях, например, в автомобильной сборке.

Наконец, выстраивание более тесного экономического диалога рассматривается в японских политических кругах как инструмент нормализации дипломатического диалога с Москвой для последующего решения территориального вопроса, активная фаза которого началась в 2016 г. Так, 6 мая 2016 г. состоялся визит премьер-министра Японии С. Абэ в Сочи, где главы обеих стран обсудили перспективы будущего сотрудничества. Встреча двух лидеров стала первой с момента вхождения республики Крым в состав Российской Федерации в 2014 г. Ключевым итогом встречи стало провозглашение японским лидером «нового подхода» в отношении России, решение о возобновлении переговоров между странами в формате «2+2» (министры обороны и министры иностранных дел), а также представление плана развития двустороннего экономического сотрудничества из 8 пунктов.

Следующей важной вехой в рамках двустороннего сотрудничества стало первое посещение С. Абэ в сентябре 2016 г. Восточного экономического форума, в ходе которого были представлены десятки проектных предложений японских компаний. Апогея российско-японское сближение достигло в декабре 2016 г., когда В.В. Путин впервые за 11 лет прилетел в Японию. Во время визита российского президента было объявлено промежуточное решение о начале консультаций о совместном хозяйственном освоении Южных Курил, прежде всего в сфере рыболовства, выращивания рыбы и морепродуктов, а также туризма. Также в ходе визита было согласовано предоставление японскими банками кредитов компаниям «НОВАТЭК» и «Газпром», а также достигнуто соглашение между «Роснефтью» и Marubeni Corporation о совместной разведке и добыче энергоносителей и строительстве га-

зохимического комплекса на Дальнем Востоке. С учётом того, что жёсткой реакции от США не было, этот случай показал ограниченность возможностей США по контролю над своими союзниками в вопросах, затрагивающих их коренные внешнеполитические интересы. Токио удалось согласовать или навязать свою позицию.

В среднесрочной перспективе не исключено укрепление сотрудничества с Японией в сфере безопасности. В частности, Токио рассматривает Россию в качестве одного из ключевых игроков в разрешении ядерной проблемы КНДР. В более широком контексте, с учётом увеличения американской активности в регионе, с одной стороны, и обострения территориальных споров – с другой, в области безопасности Россия могла бы выступить в АТР балансиром интересов разных участников. Как отмечалось, отношения всех восточноазиатских стран с Россией гораздо лучше, чем их отношения между собой, и Япония эту сильную сторону России хорошо понимает.

Хотя достигнутые на текущий момент договорённости создают основу для развития сотрудничества двух стран, пока они определяют лишь возможные направления дальнейшего движения, но не гарантируют, что это движение будет успешным. Проблем в экономическом сотрудничестве России с Японией по-прежнему гораздо больше, чем, например, во взаимодействии с Китаем, и преодоление этих проблем потребует серьёзной работы в течение ближайших нескольких лет. Тем не менее готовность Японии наращивать сотрудничество не только в энергетике, но и ряде других областей, безусловно, служит позитивным сигналом и в среднесрочной перспективе может положительно сказаться и на политическом аспекте двусторонних отношений.

Стратегические приоритеты России в отношении Республики Корея во многом схожи с интересами в отношении Японии. Во-первых,

это стремление снизить деструктивность влияния США в АТР, хотя бы частично укрепив экономические и политические связи. На руку здесь и корейские опасения перед Китаем – укрепляющимся в качестве главного партнёра России в АТР и потенциального гегемона в Азии. Корея не может позволить себе не реагировать на активизацию российско-китайского сотрудничества, являющегося следствием взаимонаправленной политики стран в Евразии.

Во-вторых, как и Япония, Корея – один из крупнейших импортеров природного газа. Несмотря на относительно диверсифицированную систему поставок газа в страну, на Катар (35,5%), Оман (12,1%) и Индонезию (13,0%) в сумме приходится около 2/3 импорта¹. Российские углеводороды воспринимаются как необходимый в будущем компонент энергетического портфеля, имеющий к тому же ряд преимуществ над другими (географическая близость, безопасность поставок, относительно низкие политические риски и т.д.).

В-третьих, всё более привлекательными для страны становятся инвестиции в российский Дальний Восток. Сельское хозяйство, пищевая промышленность, добыча нефти и газа, нефтехимия, городское планирование, гидроэнергетика, аквакультура, водная инфраструктура, медицинская техника – вот лишь некоторые из возможных отраслей для привлечения инвестиционных ресурсов Кореи. Кроме того, занимая лидирующие позиции на судостроительном рынке, Корея с вниманием следит за развитием арктической зоны Российской Федерации, и в среднесрочной перспективе можно ожидать рост участия корейских компаний в транспортно-логистическом обеспечении Арктики.

Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Республикой Корея пока не соответствует своему потенциалу. Товаро-

оборот между странами за последние два года сократился на 45%, опустившись до значения в 15,1 млрд долл. Причинами падения стало резкое снижение цен на энергоресурсы в конце 2014 г., а также последующее падение курса рубля, сказавшееся на конкурентоспособности корейского импорта в РФ.

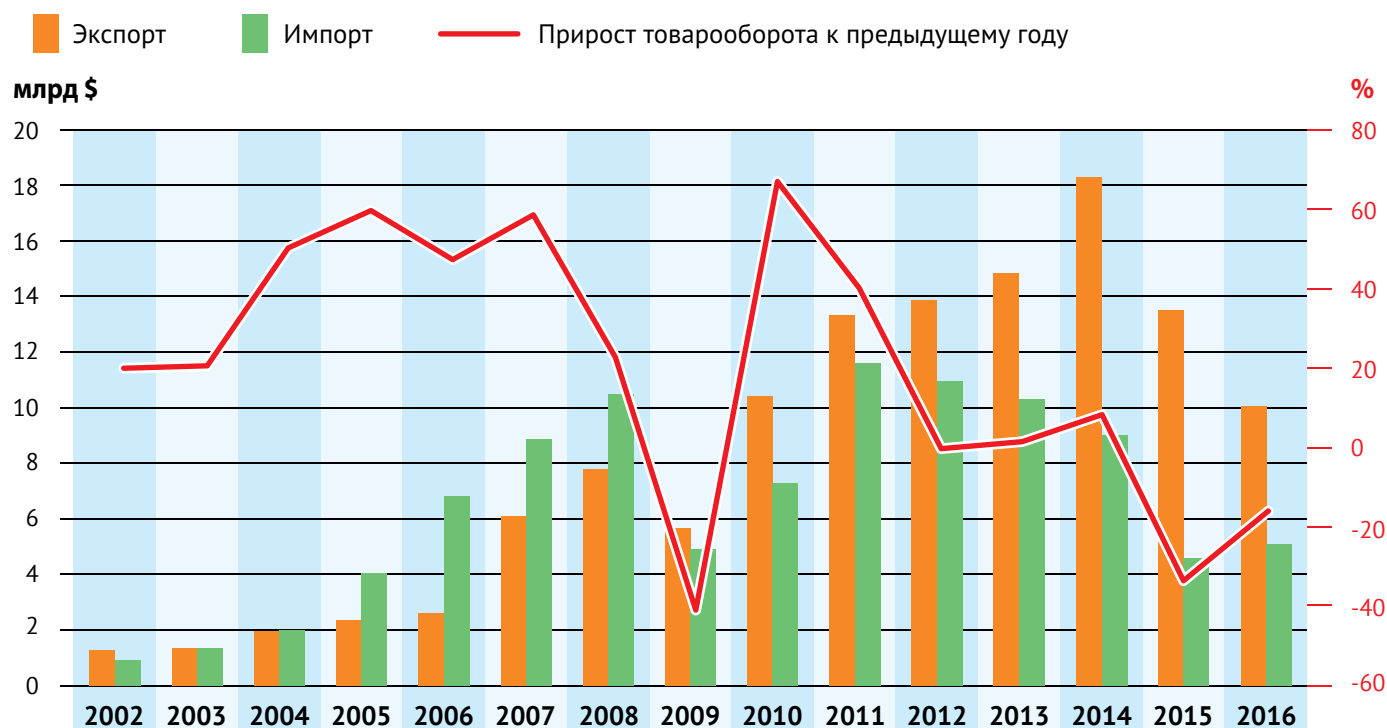
Осложняют взаимоотношения и противоречия по вопросам системы ПРО (комплекс ТНААД), которую Корея под давлением США согласилась разместить в прошлом году. Россия, как и Китай, воспринимает размещение систем США в Азии в качестве источника нарушения сложившегося в регионе баланса сил. Ещё одним камнем преткновения является недостаточная жёсткость Москвы, по мнению Сеула, в отношении сдерживания северокорейской ядерной программы. Корея рассчитывает на большую инициативность России в рамках антисеверокорейских санкций (ограничение доступа северокорейских рабочих на российский рынок), одобренных Совбезом ООН в 2016 г., в то время как последняя не готова к подобным действиям в ущерб своим экономическим интересам.

Тем не менее встреча лидеров стран на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2016 г. выглядела многообещающей по части активизации экономического сотрудничества. Кроме того, стороны подписали в общей сложности 24 меморандума о возможном сотрудничестве в самых разных областях: торговле, судостроении, сельском и морском хозяйстве, здравоохранении, космосе и т.д. Внутривнутриполитический кризис в Республике Корея, следствием которого стал импичмент президенту Пак Кын Хе и избрание главой государства либерального кандидата Мун Чжэ Ина, видимо, позитивно скажется на российско-южнокорейских политических и экономических отношениях.

Возможно, более реалистичной и независимой станет и политика в отношении Северной

¹ По данным BP Statistical Review of World Energy 2017.

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

Кореи – с большим упором на диалог, нежели доказавшие свою неэффективность, если не контрпродуктивность, санкции. Хотя пока политика Пхеньяна остается авантюристической, что мешает новому лидеру Республики Корея в реализации его планов.

Активизация экономического сотрудничества с Республикой Корея может быть особенно выгодна российским аграриям. Республика Корея с населением более 50 млн человек критически зависит от импорта всех базовых видов сельскохозяйственной продукции, за исключением риса и картофеля². Россия, несмотря на географическую близость, на этом рынке пока отсутствует. В настоящее время поставки продовольствия в Корею контролируют преимущественно западные ТНК. Однако, во-пер-

вых, правительство Кореи намерено диверсифицировать продовольственный импорт. Во-вторых, сельскохозяйственная продукция на Дальнем Востоке России производится без ГМО, что увеличивает её ценность. В-третьих, важную позитивную роль для возможного экспорта из России играет девальвация рубля.

Теперь препятствием выступает лишь неразвитая транспортная инфраструктура Дальнего Востока России. Если (и когда) в порту Зарубино будет построен зерновой терминал, и он будет способен работать на экспорт, то корейские сельскохозяйственные компании будут крайне заинтересованы в инвестировании в агропромышленный комплекс России, а корейский рынок готов будет принять российскую сельскохозяйственную продукцию в больших объёмах. Как следствие, возникает возможность сотрудничества по схеме облегчение инвестиционного режима для корейских

² По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН.

сельскохозяйственных компаний взамен на преференции по доступу на корейский рынок российских сельскохозяйственных производителей. В целом отношения России с Кореей имеют самый серьёзный потенциал развития как в двустороннем, так и в евразийском форматах.

Укрепление сотрудничества и почти союзнических отношений с Китаем служит на-

ний. Более того, налицо и схожесть взглядов на ключевые проблемы современного мира, которую стороны демонстрируют на самом высоком уровне. Наряду с принятыми в мае 2015 г. решениями, Россия и Китай сумели добиться очередного прорыва в ходе визита президента России в Китай в июне 2016 г., ставшего одним из наиболее результативных в рамках двусторонних отношений с точки зрения практического наполнения. Встреча двух лидеров ознаменовалась принятием Совместного заявления об укреплении глобальной стратегической стабильности, в котором прослеживается нацеленность на сдерживание США. Единство внешнеполитических взглядов также отражено и в подходах государств к проблеме обеспечения информационной безопасности. Ключевым итогом визи-

та в данном направлении стало подписание соглашения о создании постоянного механизма консультаций в сфере информационной безопасности. Наконец, текст итогового соглашения содержит намерение сторон двигаться в направлении создания нового геэкономического и геостратегического пространства – Евразийского всеобъемлющего партнёрства, в котором Россия наряду с Китаем, Индией, Ираном и странами АСЕАН должна сыграть ведущую роль.

Нацеленность обеих стран стать адептами незападной модели глобального развития обусловлена их стремлением защитить национальный суверенитет и повысить своё влияние на международной арене, и, как следствие, выработать единый «кодекс поведения» на пространстве Большой Евразии, исключаящий ассиметричную зависимость, гегемонизм, санкции и любые другие инструменты «экономической войны» как способ достижения внешнеполитических целей.

Нацеленность обеих стран стать адептами незападной модели глобального развития обусловлена их стремлением защитить национальный суверенитет и повысить своё влияние на международной арене, и, как следствие, выработать единый «кодекс поведения» на пространстве Большой Евразии

иболее ярким примером реализации российской политики поворота на Восток. В 2016 г. это стратегическое взаимодействие получило новый импульс. При этом характерно укрепление сотрудничества и в чувствительных для Пекина сферах – морские территориальные споры и информационная безопасность. В первом случае речь идёт об официальной поддержке Китая по проблеме Южно-Китайского моря, а также последовавшее за этим проведение совместных учений на спорных территориях в сентябре 2016 г. Подобная позиция со стороны Москвы является символом российско-китайского сближения, подчёркивая статус стратегического партнёрства. «В ответ» летом 2017 года две стороны провели военно-морские учения на Балтике.

Значительным преимуществом является отсутствие системных противоречий, которые могли бы подорвать общий позитивный фон российско-китайских отноше-

Де-факто союзнические отношения двух стран были продемонстрированы и во время двухдневного визита Си Цзиньпина в Москву в июле 2017 г. – непосредственно перед встречей «Группы двадцати». Стороны явно согласовали свои позиции не только на саммите, но и политику в отношении США и ряда других проблем.

Тем не менее двусторонние отношения сопряжены и с рядом проблем. Ключевой из них остаётся ограниченный характер экономического сотрудничества. В структуре российского экспорта в Китай по-прежнему преобладают минеральные продукты (нефть и газ). В 2016 г. этот показатель составил 64% совокупного экспорта России в КНР. Актуальной проблемой является и плохая информированность российских и китайских

китайских инвестиций в российскую экономику может стать совершенствование инвестиционного законодательства России в сторону облегчения доступа иностранного капитала. Наконец, имеет смысл задуматься о создании совместных российско-китайских финансовых институтов с учётом опыта взаимодействия Китая с ключевыми торгово-экономическими партнёрами, а также заключить полноценное соглашение о защите инвестиций и капитала на смену межправительственному Соглашению о поощрении и взаимной защите капиталовложений 2006 года.

Торгово-экономические отношения России и Китая в значительной степени являются частью, хотя и наиболее значительной, системы отношений КНР и ЕАЭС. Ключевым драйвером сотрудничества в формате ЕАЭС–Китай продолжает оставаться инициатива сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (часть инициативы «Один пояс, один путь»), которая справедливо рассматривается не только как транзитно-транспортный проект, но и как комплексный план экономической модернизации ряда государств. Он включает в себя проекты

в сфере инфраструктуры, промышленности, торговли и услуг, в продвижении которых заинтересованы все участники.

В настоящее время основное внимание уделено подписанию соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем. К 2017 г. стороны завершили фазу подготовки к переговорам, достигнуты договоренности о рабочем механизме подобных переговоров, и в ближайшее время ожидается более детальное обсуждение будущего проекта соглашения. Соглашение будет включать широкий круг направлений, в том числе отраслевое и таможенное сотрудничество, санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры, технические

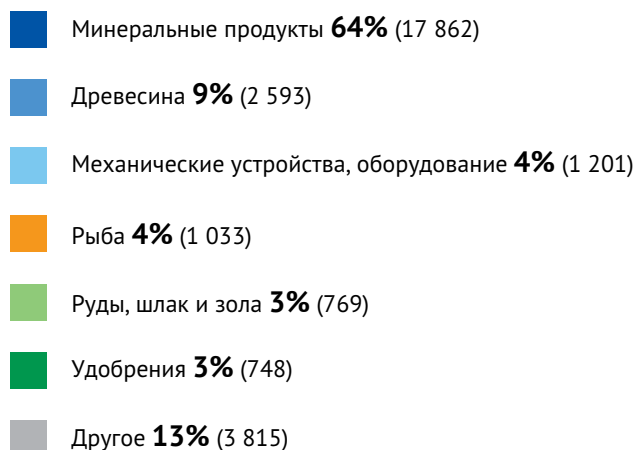
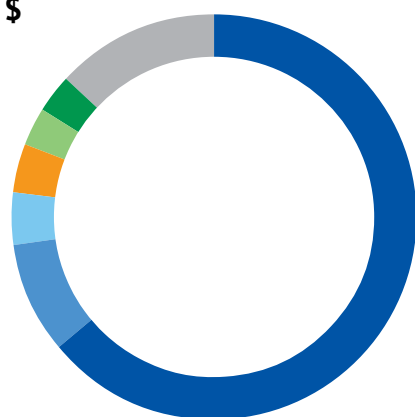
Ключевым драйвером сотрудничества в формате ЕАЭС–Китай продолжает оставаться инициатива сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (часть инициативы «Один пояс, один путь»)

бизнесменов об условиях ведения бизнеса в стране-партнёре, а также чрезмерная бюрократизация, что в значительной степени тормозит процесс согласования и последующей реализации совместных проектов.

В целях активизации российско-китайского сотрудничества, прежде всего экономического, перспективным направлением стало бы развитие промышленной кооперации. Целесообразным является формирование совместной структуры, ответственной за систематизацию информации о перспективных промышленных и инфраструктурных проектах. Помимо этого, одним из возможных способов увели-

ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА В КИТАЙ, 2016

млн \$

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

барьеры. Большое внимание будет уделено защите интеллектуальной собственности, обеспечению доступа к передовым технологиям и опыту Китая, повышению прозрачности в сфере торговой защиты и субсидий.

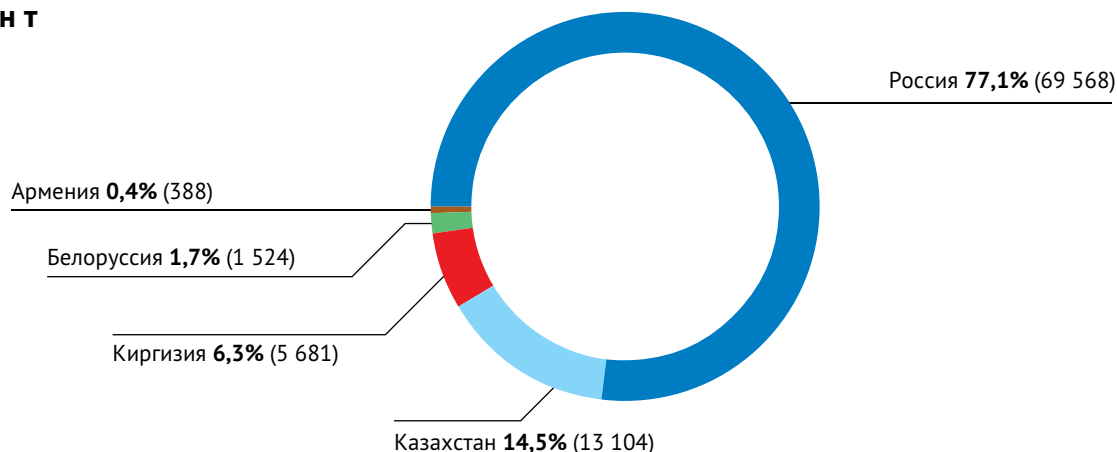
Но и здесь немало проблем. В первую очередь – слабая институциональная основа сопряжения, а также опасения по поводу перехода процесса сопряжения на двусторонний трек взаимодействия с Пекином. Актуальной проблемой остается нехватка полноценного

диалога между Россией и партнёрами по ЕАЭС, а также ЕАЭС и Китаем по ключевым вопросам сопряжения, в том числе по нетарифному регулированию. Нельзя не отметить также и отсутствие в китайских политических кругах целостного подхода к проблеме сопряжения, что препятствует практическому наполнению многосторонней инициативы.

Наконец, важной проблемой является низкий уровень торгово-экономического взаимодействия между странами-членами ЕАЭС

ТОВАРОБОРОТ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЕАЭС И КНР, 2016

млн т

Источник: ФТС РФ; Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

и Китаем. Кроме того, наблюдается сильный дисбаланс в торговле со странами-членами союза. 77,1% всей торговли между ЕАЭС и КНР приходится на Россию, в то время как на Казахстан приходится 14,5%, на Киргизию – 6,3%, на Белоруссию – 1,7%, а на Армению – 0,4%.

В 2016 г. сторонам удалось прийти к согласию по важным проблемам, в частности – по вопросам взаимодействия в сфере конкурентной политики и антимонопольного регулирования. Помимо этого, члены ЕАЭС и Китай сошлись во мнении о необходимости увеличивать взаимные расчеты в национальных валютах, расширять обмены долгосрочными кредитными обязательствами путем заключения валютных свопов, а также наращивать иностранные инвестиции в экономики стран-партнёров за счёт более активного вовлечения Фонда Шёлкового пути и АБИИ.

Взаимодействие России с АСЕАН традиционно не рассматривалось в качестве приоритетного направления. Уровень экономических взаимоотношений двух сторон находится на слабом уровне по сравнению с другими региональными партнёрами. В 2016 г. объем товарооборота между Россией и странами АСЕАН составил всего 13,6 млрд долл. Таким образом, в настоящее время Россия во внешней торговле АСЕАН занимает лишь восьмое место, уступая Китаю более чем в 25 раз.

Структура российского экспорта в страны АСЕАН в целом подкрепляет общие тенденции: большая его часть приходится на минеральные продукты (55%), где доминируют нефть и нефтепродукты. В отличие от России структура экспорта стран АСЕАН отличается большим товарным разнообразием.

По данным Центрального банка РФ, за период 2014–2015 гг. объём российских ПИИ в экономики стран АСЕАН составил 1,67 млрд долл. Объём инвестиций из стран АСЕАН в Россию также остаётся на относительно низком уровне, составляя менее 1% от совокупных поступлений

ПИИ в Россию. В ВТС Россия осуществляет сотрудничество главным образом с Вьетнамом. За период с 2008 по 2015 гг. Вьетнам занял четвертое место в военном экспорте России. В меньшей степени российское оружие импортируют Индонезия и Малайзия. Также планируется расширение российских поставок в Таиланд и Мьянму.

Наиболее обещающими направлениями сотрудничества России и стран АСЕАН, помимо ВТС, являются нефтегазовая отрасль и ядерная энергетика. Основными покупателями российской нефти и газа являются Вьетнам, Малайзия, Сингапур и в меньшей степени Индонезия. Учитывая тенденции к увеличению спроса на нефтяное и газовое топливо в странах ЮВА, Россия заинтересована в углублении сотрудничества с АСЕАН в рамках диверсификации экспорта энергоресурсов. В области развития атомной энергетики Россия ведет переговоры с Мьянмой, Индонезией и Таиландом. Неблагоприятным событием в рамках развития сотрудничества в области мирного атома стал отказ Вьетнама в ноябре 2016 г. от проектируемой Россией АЭС «Ниньтхуан-1» в пользу японского проекта «Ниньтхуан-2». Однако атомная энергетика потенциально имеет большое значение для Вьетнама, Индонезии и Филиппин, что позволяет установить более прочные отношения в данной сфере.

В целом взаимоотношения России и стран АСЕАН на сегодняшний день можно назвать фрагментарными и пока малосущественными по их объёму и глубине. Тем не менее и Россия, и АСЕАН приходят к общему мнению, что необходимо наращивать потенциал сотрудничества. Так, в декабре 2015 г. Россия выдвинула идею о сопряжении ЕАЭС, ШОС и АСЕАН в рамках большого евразийского партнёрства, что стало предметом отдельного обсуждения на саммите Россия – АСЕАН в мае 2016 г. Помимо прочего, в октябре 2016 г.

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С АСЕАН

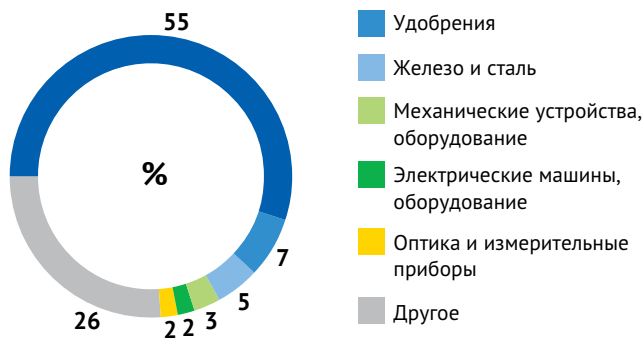
Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

вступило в силу соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом. В том же месяце начались переговоры по созданию ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром. Соглашения создают базу для активизации сотрудничества меж-

ду Россией и АСЕАН, однако, для того, чтобы их взаимоотношения перешли на качественно новый уровень, потребуются много целенаправленных усилий по повышению уровня заинтересованности сторон друг в друге.

СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ТОРГОВЛИ С АСЕАН, 2016

Экспорт

Импорт

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С ИНДИЕЙ

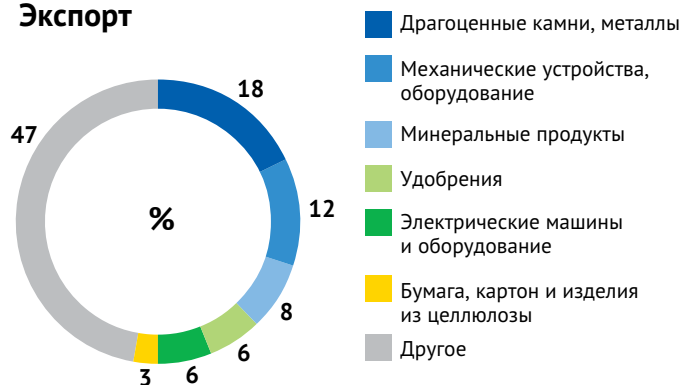
Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

Индия в последние годы заметно поднялась в списке российских внешнеполитических приоритетов. Россия рассматривает Индию в качестве одного из важнейших международных партнёров и активно сотрудничает с ней в рамках институтов, создан-

ных странами БРИКС, и на площадке ШОС, членом которой Индия наряду с Пакистаном стала в 2015 г. Россия и Индия имеют общие взгляды на выстраивание более гармоничного и полицентричного мироустройства, а также сходные позиции по ключевым

СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ТОРГОВЛИ С ИНДИЕЙ, 2016

Экспорт

Импорт

Примечание: военный экспорт не специфицируется в базах данных по международной торговле, поэтому он отнесен к категории «Другое».

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org.

проблемам международных отношений. Несмотря на это, двусторонние торгово-экономические связи остаются достаточно слабыми. Так, объём внешней торговли России и Индии в два раза меньше, чем у России и Японии – 7,7 млрд долл. в 2016 г. По данным ФТС РФ, в 2015 г. Индия заняла 17 место среди российских торговых партнёров, в то время как Россия среди индийских внешнеторговых партнёров оказалась на 33 месте.

В структуре российского импорта из Индии основная доля поставок приходится на продукцию химической промышленности (в том числе фармацевтическую), на продовольственные товары и механическое оборудование. Индия же импортирует главным образом вооружение, драгоценные камни, оборудование для АЭС и минеральные продукты.

Пока уровень инвестиционного сотрудничества между Россией и Индией остается низким. Совокупный объём индийских ПИИ в Россию на конец 2015 г. составил 5,6 млрд долл., а российских инвестиций в индийскую экономику – 1,27 млрд долл.³ Индийские инвестиции направлены главным образом в нефтегазовую и фармацевтическую отрасли, а российские сосредоточены на проектах в области атомной энергетики.

Военная сфера является одной из важнейших и наиболее развитых отраслей сотрудничества между Россией и Индией, что подтверждает стратегический характер российско-индийского партнёрства. За период с 2008 по 2015 гг. Индия заняла первое место среди импортеров российского вооружения, превысив в 2009 г. долю Китая. На сегодняшний день российское оружие составляет до 80% вооружений индийских ВС. Обе страны также осуществляют совместные разработки вооружений и военной техники. Тем не менее, несмотря на большую

заинтересованность Индии в российском военном экспорте, в среднесрочной перспективе доля России на индийском рынке вооружений может снизиться из-за стремления Индии диверсифицировать военные поставки и развивать собственный ОПК.

В сфере атомной энергетики наиболее крупным совместным российско-индийским проектом является индийская АЭС «Куданкулам», строительство которой ведётся с 1998 г. В 2016 г. стало известно о начале переговоров по строительству пятого и шестого энергоблоков для данной АЭС. Большие перспективы у России и Индии и во взаимодействии по нефтегазовым проектам. Одной из наиболее перспективных договорённостей является подписание контракта между «Роснефтью» и индийской корпорацией Essar на поставку в Индию 100 млн тонн нефти в течение 10 лет для нефтеперерабатывающего завода в г. Вадиар. Данное соглашение имеет стратегическое значение, так как этот проект позволит значительно увеличить торговый оборот между двумя странами.

Помимо прочего, сотрудничество также реализуется по линии Индия – ЕАЭС. Ожидается, что в 2017 г. стороны начнут переговоры о заключении соглашения о создании ЗСТ между Союзом и Индией. Подключение Индии к сотрудничеству в рамках евразийских инициатив в целом отвечает стратегическим интересам России, так как активное участие ещё одного влиятельного актора может позитивно сказаться на характере интеграционных процессов в регионе.

Общие выводы

Подводя итоги, необходимо признать, что российская политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе становится более всеобъемлющей и стратегической.

³ По данным Евразийского Банка Развития.

По-прежнему приоритетным направлением остается развитие сотрудничества с Китаем. Однако за последние два года России удалось сформировать тесную сеть партнёрских отношений с другими азиатскими государствами и объединениями. В первую очередь – с Японией, Индией, Южной Кореей и странами АСЕАН. Для полноценной интеграции в производственно-сбытовые и технологические цепочки и превращения в самостоятельный полюс роста в АТР России необходимо расши-

рять номенклатуру поставляемой в страны АТР продукции с особым акцентом на производстве ресурсоемких, энергоемких и водоемких товаров. Даже частичное решение этой задачи будет способствовать не только диверсификации национальной экономики и повышению её технологического уровня, но и созданию новых рабочих мест, выстраиванию крупных промышленно-сервисных кластеров, комплексному развитию зауральских территорий.

II. Развитие Сибири и Дальнего Востока

Поворот на Восток в российской внешней и внешнеэкономической политике начал дополняться аналогичным поворотом во внутренней. Для полноценной интеграции в АТР Россия должна перестать быть его периферией: необходимо ускоренное развитие регионов страны, непосредственно примыкающих к её главным азиатским партнёрам. Такими регионами являются Сибирь и её тихоокеанская часть – Дальний Восток.

Освоение российского Зауралья с конца XVI в., когда оно стало частью России, протекало волнообразно. В истории Российской империи, СССР и постсоветской России было множество попыток осуществления поворота на Восток. Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали, гидроэлектростанции на великих сибирских реках, академические и университетские центры юга Западной Сибири, нефтегазовые месторождения её северной части – всё это получено в наследство от предыдущих поколений тех, кто покорял и обустроивал эти обширные пространства.

Однако, несмотря на эти и другие значительные успехи, нельзя сказать, что Сибирь и Дальний Восток когда-либо были настоящим экономическим или политическим центром России. Скорее, их освоение, подобно освоению колониальных странами Запада, было подчинено задачам развития всей страны, а главное – её европейской части. Хотя верно и то, что колонии нередко становились богаче метрополии.

Азиатский экономический рост открывает новую страницу в истории Сибири и Дальнего Востока. Он позволяет использовать имеющиеся на востоке России возможности, создаваемые азиатскими странами, конкурентные преимущества и превратить регион в один из двигателей российского экономического роста. Особенно с учётом того, что действующая модель экономического развития страны заходит в тупик.

Основными факторами, сдерживающими развитие Сибири и Дальнего Востока, являются недостаточная заселенность регионов, нехватка инфраструктуры и исторически

сложившаяся экономическая специализация с преобладанием отраслей оборонной промышленности. В дополнение к этому развитие

гии добычи ресурсов становятся всё сложнее – частично по мере исчерпания легкодоступных запасов, отчасти из-за ужесточающихся требований к защите окружающей среды и условиям труда. Более того, технологический прогресс в других отраслях приводит к растущей потребности в сырье принципиально более высокого качества или и во все в относительно новых видах природных ресурсов (например, редкоземельных металлах или импактных алмазах).

Азиатский экономический рост открывает новую страницу в истории Сибири и Дальнего Востока. Он позволяет использовать имеющиеся на востоке России возможности, создаваемые азиатскими странами, конкурентные преимущества и превратить регион в один из двигателей российского экономического роста

Сибири во многом сдерживается её внутриматериковым положением, «континентальным проклятием», удаленностью от внешних рынков.

Для реализации имеющегося потенциала развития Дальнего Востока, а также для учёта реальных угроз и возможностей региона была разработана новая стратегия его развития. Ввиду малого размера внутреннего рынка и неразвитости инфраструктуры для вывода местной продукции на общероссийский рынок была выбрана экспортоориентированная модель развития региона, нацеленная на проникновение российской продукции на быстрорастущие рынки АТР. Основные инструменты реализации этой задачи – улучшение инвестиционного климата и создание особых экономических зон.

Главное богатство Сибири и Дальнего Востока – природный капитал. Природные ресурсы в России нередко рассматриваются как нечто примитивное и противопоставляются современным отраслям экономики. Это в корне неверно. В настоящее время добыча, первичная переработка и транспортировка сырья не уступают по наукоёмкости современной перерабатывающей промышленности. Техноло-

Рост технологичности затрагивает не только добывающую промышленность, но и сельское хозяйство. Такие технологии, как генная модификация, капельное орошение, роботизированные сельскохозяйственные машины, геоинформационные технологии и др. делают этот вид деятельности всё более высокоточным, требующим высококвалифицированных кадров и значительных капитальных затрат. Построение зоны развития инновационной сырьевой экономики – ключевая цель для Сибири и Дальнего Востока на среднесрочную перспективу. Эта цель должна красной нитью проходить через все стратегии развития региона и формировать основу модели привлечения инвестиций – как государственных, так и частных, включая зарубежные.

Это делает ещё более актуальной задачу координации развития Дальнего Востока и других регионов Сибири. Необходимость перехода к ресурсоемким производствам с более высокой добавленной стоимостью, развития инновационной ресурсной экономики, сдвиг спроса на природные ресурсы с востока на запад Китая – всё это требует покрытия амбициозными планами ускоренного развития не только Дальнего Востока, но и всей Сибири, включая Центральную и Западную.

Экономический потенциал Сибири существенно выше экономического потенциала Дальнего Востока как с точки зрения богатства природными ресурсами, так и количества и качества человеческого капитала. Сибирь имеет гораздо больше возможностей для сращивания инновационного и ресурсного секторов. Новосибирский, Красноярский, Томский интеллектуальные центры способны стать ядром инновационной ресурсной экономики Сибири будущего. Именно в них и, разумеется,

Наконец, освоение ресурсного потенциала востока России с упором на ресурсоёмкую продукцию требует совершенно иного уровня промышленной кооперации, чем добыча сырья и продажа его за рубеж. Недостаточный уровень развития такой кооперации является, например, одним из важнейших препятствий для освоения двух потенциально важнейших месторождений востока России – Томторского месторождения редкоземельных металлов и Попигаевского месторождения импактных алмазов. Крупнейшие потребители соответствующего сырья в России расположены в Сибири, однако закупают его на внешних рынках – это проще для них логистически, ка-

налы поставок давно налажены. В свою очередь, инвестиции в разработку месторождений тормозятся тем, что нет гарантий сбыта. Налаживание координации между добычей сырья и переработкой в таких случаях должно обеспечивать государство, однако на настоящий момент нет ни одного ведомства, в чью сферу ответственности входит такая работа. Присоединение Сибири к модели ускоренного развития востока России означало бы возможность передачи этих полномочий в сферу Министерства по развитию Дальнего Востока, возможно, с превращением его или иного ведомства в Министерство (корпорацию) развития всей Сибири, как это задумывалось 7–8 лет назад.

Сейчас одна из ключевых задач текущей политики по развитию Дальнего Востока – привлечение отечественных и иностранных инвестиций в проекты региона. На выполнение этой задачи нацелены такие инструменты, как территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), Свободный порт Владивосток, государственная поддержка инвестиционных проектов, а также Фонд развития Дальнего Востока. Эти инструменты в целом

Главное богатство Сибири и Дальнего Востока – природный капитал

во Владивосток стоило бы перенести офисы государственных компаний, связанных с добычей сибирских ресурсов, а также часть федеральных ведомств. Возможно, даже передать Красноярску, Новосибирску или Владивостоку статус третьей столицы России. Дальневосточный интеллектуальный кластер вокруг ДВФУ и Дальневосточного отделения РАН, при условии быстрого развития, способен стать в один ряд с сибирскими центрами в будущем, но пока объективно отстаёт.

Кроме того, необходимо учитывать, что Сибирь и Дальний Восток тесным образом взаимосвязаны исторически и инфраструктурно (посредством Транссиба и Северного морского пути). Ускоренное развитие Дальнего Востока без учёта его тесной взаимосвязи с Сибирью неизбежно приведет к усугублению континентального положения последней. Одной из главных целей развития Дальнего Востока, наоборот, является смягчение главной сибирской проблемы – самой сильной в мире континентальности. Развитие инфраструктуры, в том числе и дальневосточной, должно быть подчинено в первую очередь этой задаче.

позволили привлечь более 2 трлн 116 млрд руб., причем большая часть из них – частные инвестиции (96%).

На сегодняшний день уже запущены 18 ТОР. На резидентство в них всего поступило 288 заявок (1 384 млрд руб., 45,6 тыс. рабочих мест), заключено 136 соглашений (486 млрд руб., 26,5 тыс. рабочих мест). В настоящий момент на их территории действуют 11 предприятий, на стадии строительно-монтажных работ находятся 34. В целом существующие ТОР привлекают значительный интерес со стороны стран АТР, ключевых партнёров для Дальнего Востока: идут иностранные инвесторы из КНР, Японии, Республики Корея, Австралии, Сингапура.

Режим СПВ – ещё один инструмент привлечения иностранных инвесторов. Всего поступила 21 заявка на резидентство от иностранных инвесторов, причем по количеству и по объему инвестиций лидирует Китай. Одно из важных мероприятий в рамках СПВ – упрощение визового режима. Предусматривается возможность оформления иностранными гражданами, прибывающими в Свободный порт Владивосток, однократной восьмидневной въездной визы в электронной форме.

Для крупных инфраструктурных проектов на Дальнем Востоке предусмотрены дополнительные механизмы государственной поддержки. К весне 2017 г. было поддержано 14 инвестиционных проектов с объемом инвестиций – 328 млрд руб. (частных – 294 млрд руб., более 12,3 тыс. рабочих мест). Совокупный объем предоставленных субсидий за 2015 и 2016 гг. составил около 12 млрд руб. Заключены соглашения на сумму 32 млрд руб. о предоставлении субсидий 7 инвесторам на:

- *создание горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Наталкинского золоторудного месторождения (Магаданская обл.);*

- *горно-обогатительный комбинат «Инаглинский» (Якутия);*
- *транспортно-перегрузочный комплекс для перевалки угля в бухте Мучка (Хабаровский край);*
- *горно-металлургический комбинат Озерновского золоторудного месторождения (Камчатский край);*
- *развитие золотодобычи в Селемджинском районе (Амурская обл.);*
- *организацию производства строганных и профилированных пиломатериалов в пос. Березовый Солнечного района Хабаровского края;*
- *строительство и эксплуатацию горно-обогатительного комбината «Тарын» на месторождении «Дражное».*

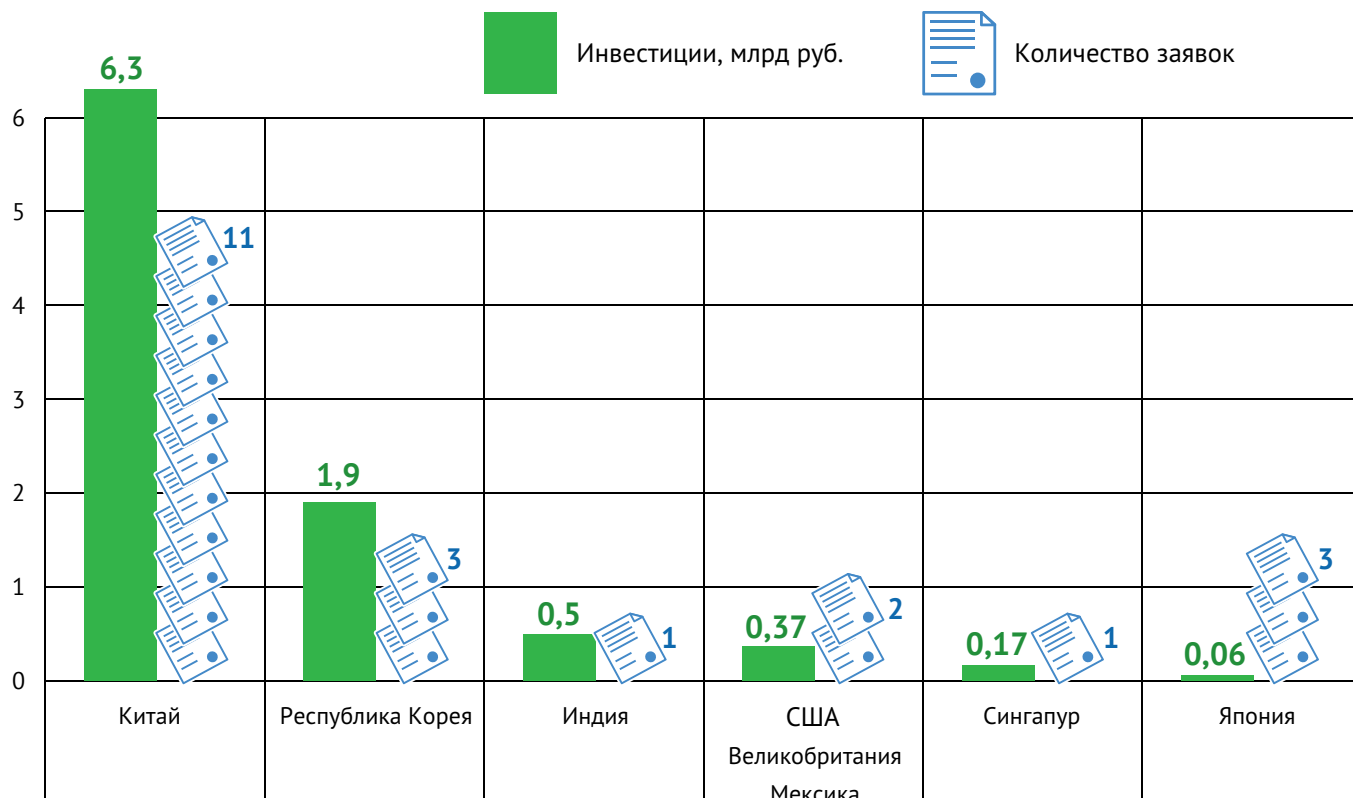
В 2015 г. был создан ряд новых ведомств, решающих практические вопросы развития региона: Корпорация развития Дальнего Востока, занимающаяся организацией ТОР, Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, а также Агентство по развитию человеческого капитала Дальнего Востока. Ещё одним институтом развития региона стал Фонд развития Дальнего Востока (ФРДВ) – финансирование им совместных проектов является формой предоставления государственных гарантий, которые важны для иностранных партнёров. Институты развития Дальнего Востока принимают непосредственное участие в реализации новой модели развития региона, где приоритетом являются проекты в таких отраслях, как горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, лесная и рыбная промышленность, нефтегазохимия, машиностроение, транспорт и туризм.

К настоящему моменту Фондом развития Дальнего Востока одобрено к финансированию 14 инвестиционных проектов, три проекта реализуются в ТОР, два – в СПВ. Объём заявленных частных инвестиций в рамках проектов – 205,4 млрд руб., в том числе 32,7 млрд руб. составляют инвестиции Фонда. Агентством по развитию человеческого капитала заключено 175 соглашений с компаниями Дальнего Востока, трудоустроено 6100 человек. Корпорацией развития Дальнего Востока оформлены соглашения с 353 компаниями: резидентами ТОР (136) и СПВ (217) на общую сумму 783,8 млрд руб. Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта заключено 43 соглашения (50,2 млрд рублей). Из них о создании предприятий в ТОР – 15 соглашений на сумму 30,3 млрд руб., а в СПВ – 27 соглашений на сумму 18,6 млрд руб.

Для привлечения внимания к дальневосточным проектам во Владивостоке был запущен ежегодный Восточный экономический форум (ВЭФ). Впервые он прошел 3–5 сентября 2015 г. Второй Восточный экономический форум, который прошел во Владивостоке в сентябре 2016 г., выявил значительный интерес стран АТР к сотрудничеству на Дальнем Востоке. В рамках деловой программы ВЭФ – 2016 прошло 44 ключевых сессии, 6 стратегических, 5 бизнес-диалогов. Кроме того, прошли презентации 34 инвестиционных проектов и подписано 216 соглашений на 1,85 трлн руб. (в 2015 г. было подписано 109 соглашений на 1,8 трлн руб.).

С лета 2016 г. реализуется инициатива по бесплатному предоставлению земли на Дальнем Востоке, получившая неформальное название «Дальневосточный гектар». Гектар может получить каждый

ЗАЯВКИ ОТ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ В СВОБОДНЫЙ ПОРТ ВЛАДИВОСТОК

Источник: Министерство РФ по развитию Дальнего Востока.

гражданин России. Земли предоставляются на пять лет, по истечении которых они оформляются в аренду или собственность. По данным ФИС (на 21.06.2017) подано более 94,2 тыс. заявок, отдано в пользование более 21,2 тыс. участков. До конца 2017 г. должны быть приняты поправки в закон о «дальневосточном гектаре», направленные, прежде всего, на то, чтобы сократить число возможных отказов гражданам в предоставлении земельных участков.

Помимо основных инструментов ускоренного развития Дальнего Востока также принимаются дополнительные меры отраслевого и инфраструктурного развития региона. Для успешной интеграции Дальнего Востока в АТР важно сформировать развитую финансовую и инвестиционную инфраструктуру в регионе. Работа в этом направлении уже ведётся. В 2016 г. на ВЭФ была запущена инвестиционная система «Восход» с целью привлечения акционерного и долгового капитала в динамично развивающиеся компании дальневосточного региона. До конца 2017 г. планируется привлечь через инвестиционную биржевую систему «Восход» финансирование в объёме не менее 3 млрд руб.

В части поддержки малого и среднего предпринимательства с ноября 2016 г. реализуется программа «Доступного кредита для МСП». её пилотная фаза завершилась в марте 2017 г. Совместно со Сбербанком на Дальнем Востоке профинансировано 226 проектов на общую сумму 2,7 млрд руб. Соглашение о реализации второго этапа программы принято в июне 2017 г. На рассмотрении Правительства России находится Концепция демографической политики Дальнего Востока до 2025 года, нацеленная к 2020 г. полностью остановить отток населения, а к 2025 г. увеличить численность населения Дальнего Востока с сегодняшних 6,2 до 6,5 млн человек. Программа содержит специальные меры по повышению рождаемо-

сти и прицельные меры по снижению смертности на Дальнем Востоке.

В 2016 г. введен новый механизм развития рыбной отрасли и аквакультуры – квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели. По поручению президента России ФРДВ разрабатывает новую модель развития аквакультуры в ДФО, основой которой станет онлайн-сервис для инвесторов с интерактивной картой доступных участков аквакультуры в ДФО. Кроме того, министерством разработан механизм отбора инвестпроектов в области освоения лесов с целью признания их приоритетными и предоставления инвесторам лесных участков без проведения торгов.

В транспортной отрасли реализуются программы МТК «Приморье-1» и «Приморье-2». МТК соединят китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь с морскими портами Приморского края. Хотя дело идёт медленно. По оценкам международных экспертов, объём потенциального грузопотока по МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» оценивается в 45 млн тонн зерновых и контейнерных грузов к 2030 г. (23 млн тонн зерновых и 22 млн тонн контейнерных грузов, 1,8 млн TEU – контейнеров в 20-футовом эквиваленте). Кроме того, в 2016 г. Аналитическим центром при Правительстве РФ по заказу Министерства по развитию Дальнего Востока подготовлена финансово-экономическая модель по развитию Северного морского пути, которая ляжет в основу развития внутреннего и транзитного потенциала маршрута.

За 2016–2017 гг. в Правительство Российской Федерации был внесён проект распоряжения об утверждении Концепции развития острова Русский и заключены предварительные инвестиционные соглашения объёмом порядка 40 млрд руб. Социально-экономическое развитие острова Русский запланировано в два этапа. Первый (2017–2022 гг.)

предполагает обеспечение необходимых условий для привлечения частных инвестиций (создание ТОР, строительство инфраструктуры). На втором этапе (2023–2027 гг.) запланирована реализация инвестиционных проектов и дальнейшее развитие инфраструктуры острова: развитие инфраструктуры ДВФУ, создание технико-внедренческого парка и т.д.

За время своей работы Министерством по развитию Дальнего Востока было сделано многое. Тем не менее потенциал увеличения эффективности работы ведомства всё ещё велик. Одна из ключевых проблем тут – низкий уровень информированности об этих институтах и даже о ТОР в восточных странах, непосредственно на которые они ориентированы. Лишь несколько месяцев назад заработала англоязычная версия сайта о ТОР, а версий на корейском, японском и китайском языках нет и не предвидится в ближайшее время.

Дальний Восток – это «ворота России в Азию», инструмент интеграции страны в АТР и наращивания там её влияния, развития Зауралья и Сибири

Показательным в этой связи является тот факт, что пока в рамках ТОР и СПВ удалось привлечь всего 53 заявки от иностранных инвесторов, которые суммарно составляют около 18% от общего объёма средств по заявкам частных инвесторов.

Другим упущением является также и то, что пока вокруг институтов развития не создана социальная среда, в том числе система развития трудовых ресурсов для инвестиционных проектов. Слабы каналы сотрудничества между институтами развития Дальнего Востока и действующими институтами науки

и образования в регионе и стране в целом. Цели развития человеческого капитала заложены в рамках Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утверждённой в 2016 г., однако о её результатах судить пока рано. Координационные препятствия заметны и в сфере поддержки экспорта, особенно малых экспортеров. Функционирует Российский экспортный центр, Агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта Дальнего Востока, а также различные региональные агентства. При этом не вполне понятно разделение обязанностей между ними.

Серьёзным административным барьером является отсутствие информации у местных властей о реальном характере деловых приграничных связей регионов с Китаем. Существующие статистические механизмы учёта экономических контактов не отражают действительное положение вещей: большинство китайских предприятий, осуществляющих контакты с российскими партнёрами, зарегистрированы как некие тайские на подставных лиц; непрозрачна система регистрации инвестиций российских компаний в Китае. Очевидно, что в условиях отсутствия объективного понимания состояния дел и динамики торгового-инвестиционного сотрудничества между Россией и Китаем, затруднительно принятие любых решений, как на федеральном, так и на региональном уровне.

В государственной повестке Сибири уделяется меньше внимания по сравнению с Дальним Востоком. Однако разрешение инфраструктурных проблем Сибири и предотвращение усугубления её «континентального проклятья» – залог успеха стратегии поворота на Восток, в том числе ускоренного развития самого Дальнего Востока, тесно связанного

с Сибирью в транспортном и экономическом планах. В данной связи особенно важным представляется подключение сибирских регионов к евразийским рынкам. Этому, однако, мешает почти полное отсутствие меридиональных транспортных путей, соединяющих Сибирь с быстро поднимающимися регионами Китая, с Южной Азией.

Однако все эти проблемы, решения и достижения уже являются зримым подтверждением того, что Дальний Восток уже перестал быть укрепленным и закрытым для мира форпостом России в АТР. Дальний Восток – это «ворота России в Азию», ин-

струмент интеграции страны в АТР и наращивания там её влияния, развития Зауралья и Сибири. При этом развитие Дальнего Востока должно стать ключевым звеном и быть погруженным в создание партнёрства или сообщества Большой Евразии. Такое сообщество – не только концептуальная рамка для создания пространства сотрудничества, развития и безопасности в Евразийском макрорегионе, включая Европу, но и способ предотвращения превращения Китая в гегемона макрорегиона, что автоматически вызовет противодействие всех остальных и создание новых зон соперничества.

III. Что такое Большая Евразия?

Партнёрство или сообщество Большой Евразии – это, во-первых, нацеленная на десятилетия вперед концептуальная рамка геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающая вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики. Он будет включать в себя как страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны европейского субконтинента и их организации в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество. Отметим, что во многих элементах похожую философию, изложенную ниже, провозгласил лидер КНР Си Цзиньпин в своей масштабной речи с изложением идеи и плана создания

«Одного пояса, одного пути», с которой он выступил 15 мая 2017 г. на форуме в Пекине.

Во-вторых, Большая Евразия – это создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», экономическим поворотом Китая на Запад, сопряжением китайских инициатив с ЕАЭС, поворотом России на Восток. Ключевое значение для развития Большой Евразии имеет убыстренное создание трансконтинентальной транспортной инфраструктуры, в том числе пока недоразвитых и замедляющих развитие путей не только по направлению Восток – Запад, но и в растущей степени – Север – Юг. В-третьих, Большая Евразия – это воссоздающиеся после многовекового провала пространства цивилизационного сотрудничества, олицетворением которого был культурный аспект Великого Шёлкового Пути, вовлекавшего и соединявшего великие цивилизации Китая, Индии, Персии, арабского Среднего Востока с Европой через Византию, Венецию, Испанию.

В-четвертых, Большая Евразия – это движение к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванное преодолеть оставшиеся от холодной войны расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнёрства. Важнейшая его потенциальная функция – «погружение» в сеть связей, институтов сотрудничества, балансов, договорённостей Китая, чтобы предотвратить его превращение в потенциального гегемона, против которого будут неизбежно объединяться другие евроазиатские страны, приглашая и внешних балансиров, имеющих меньшую заинтересованность в сохранении стабильности и мира на континенте. В то же время Большая Евразия должна быть принципиально открыта остальному миру, другому важнейшему его центру, который формируется вокруг США, и через АТЭС и схожие форумы, и через атлантические структуры, и через рекомендуемый нами на будущее трёхсторонний переговорный формат по глобальным проблемам и международной стратегической стабильности между Россией, Китаем и США с подключением в перспективе других ведущих и суверенных стран – Индии, Японии.

дународного права и международного общения, отрицания любого универсализма, ценностного превосходства, заведомой правоты или гегемонии. К числу принципов, на которых нужно будет строить БЕ (а в идеале и международные отношения в целом), относятся:

- *Безусловное уважение суверенитета и территориальной ценности, отказ от политики гегемонии, диктата и угроз, взаимные усилия по поддержанию мира и стабильности под эгидой ООН.*
- *Безусловное уважение политического плюрализма, свободы политического выбора народов стран континента, отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга.*
- *Экономическая открытость, снижение барьеров для международной торговли и инвестиций, отказ от политизации экономических связей, подрывающих взаимозависимость, экономическое взаимодействие по принципу «плюс-плюс», выигрыши для всех.*

- *Отказ от создания военных союзов и расширения существующих, всемерная поддержка принципа нейтралитета и неприсоединения, гарантии безопасности государств, сделавших этот выбор.*

- *Нацеленность на создание обще-континентальной системы развития, сотрудничества и безопасности от Джакарты (или Токио) до Лиссабона, которая покрывала бы и компенсировала провалившийся проект общеевропейской безопасности, предоставляла бы новый формат для*

Во многих элементах похожую философию, изложенную ниже, провозгласил лидер КНР Си Цзиньпин в своей масштабной речи с изложением идеи и плана создания «Одного пояса, одного пути», с которой он выступил 15 мая 2017 г. на форуме в Пекине

Большая Евразия должна формироваться на основе традиционных ценностей меж-

решения противоречий и в Европе, и по периметру Китая, на Корейском полуострове, на Ближнем Востоке и т.д.

- *Нацеленность на поддержание военно-политической стабильности, предотвращение конфликтов как абсолютно необходимого условия общественного развития и увеличения благосостояния, в конечном итоге – обеспечение основных прав человека.*
- *Нацеленность на поддержание и развитие многообразия культур, создание новых и воссоздание исторических культурных связей. Через диалог евроазиатских цивилизаций – к миру, сотрудничеству и взаимообогащению.*
- *Защита прав человека в их неразрывной взаимосвязи с правами обществ и государств.*

гих религий, открытости русской культуры призвана играть центральную роль в налаживании и воссоздании культурного взаимодействия в Евразии. При этом Россия не собирается отказываться от важнейших для нее европейских культурных корней, будет развивать их. Большая Евразия – это совместный проект, вернее много проектов, входящих в нее государств, их организаций, готовых идти к общей цели – созданию континента развития, мира и тесного сотрудничества. Первоначально ведущую роль в его создании призван сыграть тандем Россия – Китай, руководители которых уже официально высказали свою поддержку концепции партнёрства Большой Евразии. Но концепция требует конкретизации в многостороннем диалоге.

Концептуальная рамка позволяет, используя тенденции, направлять действия государств, существующих организаций и диалоговых форматов в единое русло, нацеленное на формирование и оформление новой геоэкономической, геополитической и геокультурной общности – партнёрства, а затем сообщества Большой Евразии. Естественной переговорной платформой для создания такого партнёрства выглядит ШОС при придании организации большей энергии, открытости и превращения её из сугубо региональной в организацию организаций, форум для обсуждения проблем.

Возможно, полезны были бы и диалоги ШОС – ЕС, ЕАЭС – ЕС. Можно начинать и с экспертного, а затем экспертно-политического форума евразийского развития, сотрудничества и безопасности. Но использование (при развитии) существующей организации удобнее создания новой, да ещё без институциональной основы.

Естественно, для создания на основе ШОС (при её развитии и сохранении) новой структуры требуются эффективные

Естественной переговорной платформой для создания такого партнёрства выглядит ШОС при придании организации большей энергии, открытости и превращения её из сугубо региональной в организацию организаций, форум для обсуждения проблем

Большая Евразия – это и концептуальная рамка для нацеленной в будущее геостратегической и геоэкономической самоидентификации России как центра и севера поднимающегося континента, служащей одним из его важных связующих транспортных и экономических звеньев, важнейшим поставщиком безопасности. Россия благодаря своему многовековому опыту взаимодействия и с Западом, и с Востоком, мирного взаимодействия мно-

совместные усилия её членов, прежде всего России и Китая, чьи действия в ШОС прежде сковывались стремлением сдерживать влияние друг друга в экономической сфере (доминирования Китая, видимо, опасалась Россия) и в сфере безопасности (лидерства России, по видимому, не хотел Китай). Сейчас развитие

сдерживается противоречиями Индии и Китая, Индии и Пакистана, России и НАТО/ЕС. Повторимся, нужен новый, преодолевающий старые противоречия, формат. Это – совместное движение к партнёрству Большой Евразии, которое требует сложения усилий, конкурентных преимуществ к общей выгоде.

IV. Дорожная карта на завтра

4.1. Общие контуры стратегии

Достигнутое в повороте на Восток требует не только развития уже заложенных направлений работы, но и запуска новых проектов. Но прежде всего, нужно снова провести углубленное прогнозирование азиатских и тихоокеанских рынков, чтобы направлять инвестиции, тем более пока видимо скромные, в отрасли, продукция которых будет пользоваться долгосрочным спросом. Не исключено, например, что взрыв инфраструктурных инвестиций в США, вероятное массированное инвестиционное участие в нем Китая увеличат спрос на металлы и другие энергоёмкие товары, традиционные для российского экспорта. В то же время крайне вероятное сокращение спроса на уголь в мире и Азии уже сейчас требует реструктуризации отрасли, связанных с ней гигантских транспортных потоков. Политика поворота должна быть увязана с пока отсутствующей стратегией экономического возрождения, стать её составляющей, а может быть и важнейшей частью развития России.

Интенсификация поворота нужна и потому, что из-за экономической и умственной разрухи 1990-х – начала 2000-х гг. мы во многом запоздали с ним, упустили ог-

ромные выгоды. В дополнение к развитию широтной транспортной инфраструктуры перво-степенное значение имеет, как указывалось выше, развитие транспортных путей Север-Юг, подключающих не только Дальний Восток, но и центральные и западные регионы Сибири, Приуралья к быстро растущим рынкам западного Китая, Ирана, Индии, Пакистана.

Несмотря на нынешнее замедление – из-за экономического кризиса – интеграционных процессов в ЕАЭС, союзу необходима новая долгосрочная повестка дня. Возможно – это единая транспортная и общая торговая политика, интеграция на оптимальных условиях в единое пространство Большой Евразии, участие в формировании его стандартов и правил. Необходимо создание многосторонних технологических альянсов со странами континента, как на его Западе, так и Востоке. Большинство высокотехнологических отраслей невозможно развивать, ориентируясь преимущественно на собственный или даже союзный рынок. Технологические альянсы необходимы, и чтобы упреждать и предотвращать риски вероятной дальнейшей политизации мировой экономики, прежде всего, но не исключительно, Западом.

Достигнутое в рамках поворота на Восток требует выработки и новой запрошенной политики в отношении азиатских партнёров. Далеко не всё в нарастающем сотрудничестве Россию устраивает: остаются барьеры для многих российских товаров и инвестиций, бюрократические и политические препоны. Наконец, России необходимо скорее определяться с формами своего участия в интеграционных объединениях в Азии и Тихом океане. ТПП пока провалилось. Но осталось ведомое АСЕАН и Китаем ВРЭП, охватывающее большинство стран региона. Пока Россия и ЕАЭС из-за сложности выработки общей позиции внутри Союза, недостатка экспертного потенциала воздерживаются от участия

как опытного, дипломатически мощного и дружественного большинству стран игрока. Усиливает этот запрос и отсутствие в регионе развитой и стабильной системы безопасности. Россия – объективно потенциально крупнейший поставщик безопасности в регионе и мире, в том числе за счёт стратегического сдерживания и диалога с США (последнего пока почти нет), а в будущем и через трехсторонний диалог Россия – Китай – США, если стороны дозреют до осознания его необходимости.

Требует углубления и российско-китайское всеобъемлющее равноправное доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие. Оно носит характер близкий к союзничеству, но страдает от недостаточной развитости связей на среднем и низшем уровнях, в частности, в бизнесе и не менее важно – от недостатка «стратегической глубины», то есть общей долгосрочной цели соразвития. Такой целью, общей и для всех стран Евразии, и должно, видимо, стать лидерское взаимодействие по созданию партнёрства или сообщества Большой Евразии.

В «дорожную карту» по его формированию могут входить, в частности, следующие элементы:

- *создание координируемой транспортной стратегии Большой Евразии;*
- *создание системы рейтинговых агентств;*
- *поддержка развития АБИИ, других региональных банков;*
- *создание системы параллельной SWIFT, которая не только исключала бы использование последней в качестве оружия экономической войны, но и укрепила бы*

Далеко не всё в нарастающем сотрудничестве Россию устраивает: остаются барьеры для многих российских товаров и инвестиций, бюрократические и политические препоны

в переговорах, делают ставку на сеть двусторонних зон свободной торговли. Но неясно выгодно ли такое «воздержание» в долгосрочной перспективе.

Отдельная группа задач – направление российского внешнеполитического и военно-политического участия в делах Азии и Тихоокеанского региона. Выход на поверхность многих застарелых конфликтов в нём, почти неизбежное усиление американской политики сдерживания Китая и стремления играть на противоречиях и опасениях региональных игроков, и, может быть самое важное – это субъективный, не имеющий отношения к реальной политике и намерениям Пекина, рост опасений соседей перед его растущей мощью. Он создаёт запрос на конструктивное участие России

- устойчивость мировой финансовой системы;
- расширение практики торговли в национальных валютах, создание независимых платёжных систем;
- экономический информационный центр, параллельный ОЭСР и работающий во взаимодействии с ним;
- создание евразийской сети, возможно даже организации, взаимопомощи на случай (участвующих) чрезвычайных ситуаций, климатических и техногенных катастроф, послекризисного восстановления. Возможный пилотный проект для последнего типа деятельности – Сирия;
- создание комплексного независимого информационно-аналитического мега-агентства, сочетающего распространение, сбор информации и аналитику – условное соединение «Аль-Джазиры» или «Би-би-си» со «Стратфором». Предварительное название – «Евразия ньюс». Такое агентство позволит странам континента обрести большую интеллектуальную и политическую самостоятельность, противостоять политизации информационных потоков;
- цель создания такого информационно-аналитического агентства, в том числе, – формирование в большей степени ориентированной на новые реалии и будущее теории международных отношений, отражающей интересы стран Евразии. Это, например, взаимодействие и взаимопроникновение цивилизаций вместо их конфликта, бесконечность и повторяемость развития человечества вместо достижения конечной стадии и т.д.;
- сотрудничество по восстановлению исторического и культурного нарратива общего для государств Евразии – от истории империи Чингисхана, к экономическому и культурному феномену Великого Шёлкового Пути, к истории Восточной Римской империи (Византийской), соединившей культурные потоки Азии и Европы, а заодно сохранившей европейскую культуру в годы её упадка. Здесь же роль Венеции в качестве ворот Азии в Европу, новая оценка крестовых походов. Цель – воссоздание и создание единой исторической и культурной идентичности Евразии и мира, дополнение преимущественно ориентированного на Европу нарратива всемирной истории, до сих пор доминирующего в мире.

Параллельно с движением к Большой Евразии, углублением азиатского поворота России в ближайшие годы, видимо, стоит задуматься и о реализации на новой политической, экономической и концептуальной основе взаимодействие со своим традиционным партнёром – Европой. Тем более, что продолжение кризиса европейской интеграции объективно толкает многих на старом субконтиненте к пересмотру оказавшейся контрпродуктивной политики на российском направлении. США всё менее надежны. Стремятся европейские страны и к своему «повороту на Восток». Многие уже делают его, опережая Россию. Пока неочевидно, как перезапускать российскую европейскую политику. Слишком неопределённая ситуация у соседей на западе Евразии. Но объективная необходимость такого «перезапуска» существует.

Расширение торгово-экономического сотрудничества со странами Большой Евразии, включая выход российских производителей на рынки этих стран, а также привлечение инвестиций из них на территорию

России – ключевая составляющая внешнеэкономической политики в Евразии. Движение вперед по данному направлению невозможно без одновременного следования по другим – тем, что рассмотрены в других разделах.

4.2. Цели России в Азии и Евразии

Создание континентальной системы безопасности

Военно-политическая ситуация в Евразии не является остроопасной, предвоенной. Помимо, разумеется, Ближнего и Среднего Востока, нестабильность и конфликты на котором угрожают всему континенту. Но множатся и «вакуумы безопасности». Один из которых – в Европе. Там в первую очередь из-за неовеимарской политики Запада после окончания холодной войны, расширения его союзов на жизненно важные для безопасности России территории в прошлом десятилетии начала образовываться предвоенная ситуация. Своими действиями в Крыму и на Украине Россия упредила её и отодвинула. Но одновременно был нанесен *coup de grace*, добивающий удар, и без того несостоявшейся из-за экспансии НАТО и ряда других причин общеевропейской системе безопасности. её остатки: возможный военно-политический диалог Россия – НАТО, ОБСЕ – её, в случае эволюции в субрегиональный кризисный центр, координатора борьбы с терроризмом и киберугрозами, можно и, вероятно, нужно сохранить. Но возвращение к старым схемам и надеждам – нереалистично. Победившая инерция холодной войны, накопленное недоверие похоронили эти надежды.

В Азии «размораживается» или даже создается и поднабивается извне целый ряд конфликтных зон, идёт активное наращивание военных потенциалов. Множатся «вакуумы безопасности». Самый масштабный – вокруг

Так, расширение торговли и инвестиций затруднено без развития транспортной инфраструктуры, без интеграции России в информационное пространство азиатских стран, а отчасти и без сотрудничества в области безопасности.

Китая, который не угрожает соседям, стремится к усилению в основном мирными средствами, но мощи которого почти все соседи в растущей степени опасаются. Исключение – Россия с её военным потенциалом и дружественными отношениями с КНР. Но и в ней существуют опасения относительно долгосрочных перспектив наращивания китайской мощи.

Сейчас многие страны Азии смотрят на Россию как на важного, относительно независимого игрока по отношению к основным конфликтам и спорам, угрожающим региональной стабильности. При этом в Центральной Евразии Россия напрямую предоставляет гарантии защиты от внешних угроз для большинства стран, включая главным образом своих союзников по ОДКБ. В свою очередь, в Восточной и Юго-Восточной Азии Россия рассматривается как необходимый балансир и нейтральный игрок по отношению к центральному региональному конфликту США – Китай и не менее сложным отношениям между КНР и её соседями – Японией, Республикой Корея. Потенциально без внешнего содействия трудно разрешим конфликт КНР – Индия.

При этом если ещё несколько лет назад возможность прямого военного конфликта между США и Китаем практически исключалась, в настоящее время сценарий локального вооружённого столкновения более реален, становясь предметом широкой экспертной дискуссии. Постепенное, хотя и нелинейное, повышение

конфликтного потенциала становится «новой нормальностью» китайско-американских отношений. Малые и средние страны региона одновременно стремятся воспользоваться благами китайской экономической мощи, но опасаются попасть под политическое и военное доминирование Китая. Они всё чаще стремятся диверсифицировать свои риски, чтобы не оказаться между «молотом и наковальней»

В Азии «размораживается» или даже создаётся и поднабивается извне целый ряд конфликтных зон, идёт активное наращивание военных потенциалов

американо-китайского конфликта, и здесь Россия рассматривается как важный потенциальный, независимый и стратегически самодостаточный партнёр.

Что касается непосредственно китайско-российских отношений в области безопасности, то здесь сторонами достигнут уровень доверия близкий к де-факто военно-политическому со-

Малые и средние страны региона одновременно стремятся воспользоваться благами китайской экономической мощи, но опасаются попасть под политическое и военное доминирование Китая

юзу. Вместе с тем России и Китаю не стоило бы, видимо, пока вести дело к формализации их союзнических отношений. В любом случае представляется важным, насколько это возможно, не увязывать вопрос о китайско-российском сотрудничестве в сфере безопасности с отношениями обеих держав с США. Особенно в связи

с тем, что американская политика в отношении как Москвы, так и Пекина будет в ближайшее время, видимо, достаточно хаотичной и противоречивой.

Целью китайско-российского сотрудничества в области безопасности и обороны должно стать обеспечение стабильности в регионе «общей судьбы» – совместного развития стран и народов на пространстве Большой Евразии.

Но никак не формальное противостояние одной или более внерегиональной или региональной державе. Вместе с тем, несмотря на все заявления и действительное нежелание двух стран создавать антиамериканский союз, политика США, с нарастающими в ней элементами конфронтации в отношениях с об-

еими странами, объективно толкает их к усилению военно-политического сотрудничества и, дальше, к координации оборонной политики. Дело объективно идёт к тому, чтобы не только политически и экономически (последнее со стороны Китая), но и военно-политически служить друг другу «тылом», «базой» и «опорой». К тому же де-факто мощный ядерно-стратегический потенциал России служит зонтиком менее мощному Китаю, делая развязывание масштабной войны против него, грозящей перерастанием на ядерный уровень, запретительно опасным для США.

На заполнение этих «вакуумов безопасности» и направлена в том числе и концепция движения к партнёрству Большой Евразии. Она предусматривает не только движение к созданию основанного на справедливости и устремленного в будущее сообщества соразвития, но и создание общеконтинентальной системы безопасности, в которой Россия (как и другие) чувствовали бы себя комфортно и с Востока, и с Запада, и с Юга. При этом Россия в силу

своего географического положения, военной мощи, дипломатического опыта может

вательная, часто рутинная, работа по снятию ключевых барьеров для дальнейшей интеграции России в хозяйственные связи АТР – это основа повестки дня на ближайшие 10 лет.

Несмотря на все заявления и действительное нежелание двух стран создавать антиамериканский союз, политика США, с нарастающими в ней элементами конфронтации в отношениях с обеими странами, объективно толкает их к усилению военно-политического сотрудничества

служить ведущим поставщиком безопасности в этой системе.

Превалирующий способ обеспечения безопасности в Большой Евразии – неприсоединение или нейтралитет, гарантированный ведущими игроками международного сообщества (в первую очередь Россией и Китаем и, по возможности, США и НАТО). Движение к преодолению блокового раскола, создание системы безопасности стоит, видимо, начинать с запуска экспертного, а затем экспертно-политического форума по развитию, сотрудничеству и безопасности стран Большой Евразии.

Укрепление институтов сотрудничества и интеграции

В последние годы достигнуты значительные успехи в сотрудничестве с ведущими странами Азии (в первую очередь Китаем и Японией). Однако вплоть до настоящего момента речь шла скорее о «снятии сливок» – реализации давно напрашивающихся, наиболее легко реализуемых проектов. Для углубления сотрудничества Россия заинтересована в придании ему системного характера. Последо-

важнейший агент интеграционных инициатив России (равно как и других членов ЕАЭС) – Евразийская экономическая комиссия. Усиление её потенциала как главного инструмента реализации интересов стран-членов ЕАЭС стоит осуществлять по двум направлениям. Во-первых, необходимо безоговорочное признание исключительного мандата ЕАЭС на ведение переговоров стран-участниц по вопросам торговли. В перспективе такой же мандат должен быть передан ей в отношении регулирования инвестиций. К сожалению, до сих пор некоторые страны-члены ЕАЭС предпочитают дополнять деятельность ЕЭК ведением диалога с внешними партнёрами в двустороннем формате. Азиатские страны де-факто поддерживают такую практику, так как она позволяет им легче навязывать отдельным странам ЕАЭС свою позицию. Целый ряд действий России в последние годы (включая подписание в двустороннем формате соглашения о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП, а также введение без согласования с партнёрами по ЕАЭС санкций против стран Запада) усилили сомнения других стран-членов в том, что Россия склонна рассматривать их в качестве равноправных партнёров. ЕАЭС – это ценнейший актив, который Россия должна беречь и требовать того же от других стран объединения.

Во-вторых, важна координация работы ЕЭК и деятельности российских министерств и ведомств. Комиссия отвечает за торговую политику стран-членов и переговоры о ЗСТ. Соответственно, её работа напрямую нацелена на защиту интересов национальных

производителей перед импортерами и продвижение экспортеров на зарубежные рынки. Пока довлеющая запросная позиция стран-членов и их бизнес-игроков в большей степени направлена на защиту внутреннего рынка, чем на продвижение вовне.

Для российских предприятий и ведомств, ориентирующихся на экспорт (в первую очередь Министерство РФ по развитию Дальнего Востока) это создаёт принципиальную проблему. Без жёсткого продвижения своей запросной позиции самим Министерством Комиссия не сможет эффективно продвигать интересы дальневосточных экономических субъектов. Не в меньшей степени данная проблема касается диалога Комиссии с Министерством экономического развития РФ по вопросам наращивания российского экспортного потенциала в странах АТР.

Перспективные сюжеты для такого диалога – это продвижение запросной позиции российских ведомств и предприятий в отношении партнёров из стран АТР, в том числе:

- *продвижение инвестиционных проектов в переговорах с международными партнёрами Комиссии по схеме «тарифы в обмен на инвестиции»⁴, т.е. снятие тех или иных тарифных барьеров в обмен на инвестиции в конкретные проекты;*
- *выработка специальных форматов включения Дальнего Востока в преференциальные и непреференциальные торгово-экономические отношения с участием Комиссии (о приграничной тор-*

говле, о приоритетном сотрудничестве в регионе, об особом отраслевом сотрудничестве);

- *отражение интересов Дальнего Востока по международному регулированию услуг со странами Азии, на данном этапе – транспортных и туристических;*
- *отражение интересов по визовому регулированию и режиму пребывания для иностранных рабочих и пр.*

Необходимо качественное усиление вовлечённости ЕАЭС в региональные интеграционные инициативы. ЕАЭС в своих внешних интеграционных инициативах на международном треке пока находится на «догоняющем этапе» проработки возможностей заключения двусторонних ЗСТ («ЕАЭС + страна-партнёр»). На это есть и фундаментальные причины, и операционные.

Первая причина – это ультраконсервативная торговая политика стран-членов ЕАЭС. Многие годы даже идея о ЗСТ в странах-членах сразу же вызывала поток обвинений в подрыве своего рынка. Во-вторых, вплоть до 2010-х гг. страны-члены ЕАЭС испытывали низкий политический и экономический интерес к странам Азии в сравнении с европейским направлением. Так, практически вплоть до введения антироссийских санкций переговоры о ЗСТ ЕЭК вела только с ЕАСТ и Новой Зеландией.

В-третьих, это происходит в силу юного возраста самого ЕАЭС, который пока в большей степени сконцентрирован на внутренней интеграции. Так, всеми переговорами о ЗСТ от Белоруссии на операционном уровне занимается всего два сотрудника ЕЭК. А принцип консенсуса требует их одобрения по всем ключевым вопросам. В-четвертых, имеются объективные разногласия между странами-участниками ЕАЭС и порожденные этим трудности

⁴ На данный момент схема эффективно не работает, потому что обмен проводят разные ведомства в конкуренции, а не в сотрудничестве между собой. За снятие тарифов отвечает Комиссия как наднациональный орган, а за привлечение инвестиций и инвестиционный климат – национальные ведомства, и последние нередко саботируют работу Комиссии.

по формированию консолидированной запросной позиции на торговых переговорах (она, как правило, достаточно линейна: «откройте свои рынки и не требуйте открывать наши»), а также «защитной позиции» (зачастую её просто нет, что тормозит переговоры).

Наконец, есть и чисто организационные причины. Организационные ресурсы Комиссии для расширения переговорной повестки крайне ограничены. Сегодня в разработке находятся семь двусторонних ЗСТ, и больше человеческих ресурсов у Комиссии для открытия новых аналогичных переговоров или, тем более, ведения переговоров более сложного уровня просто нет. Присоединение к ВРЭП, например, где большинство стран-участниц переговоров уже связаны соглашениями о ЗСТ, и переговоры вокруг ВРЭП затрагивают более глубокие слои регионального сотрудничества, требуют повышения и расширения экспертного потенциала. Вопрос его наращивания на повестке развития Комиссии стоит, но его решение требует как минимум нескольких лет и значительных усилий всех стран-членов Союза.

- с Китаем по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве (непреференциальное торгово-экономическое соглашение, не ведёт к созданию ЗСТ);
- с Ираном о заключении временного соглашения, ведущего к образованию ЗСТ;
- с Сингапуром о соглашении по ЗСТ;
- с Республикой Корея идут рабочие консультации по вопросу заключения соглашения о свободной торговле;
- с Индией готовятся к открытию переговоров о ЗСТ;
- идут и предварительные переговоры с Израилем о ЗСТ и об унификации торгового режима и ЗСТ с Сербией.

Форматы данных переговоров отличаются, но все они в той или иной степени связаны российской политикой поворота на Восток и создания Большой Евразии.

Прогресс по данным соглашениям также значительно варьируется: переговоры с Ираном находятся в завершающей фазе; с Китаем согласован формат переговоров и начинается наполнение будущего соглашения; с Кореей только прорабатывается целесообразность начала переговоров

по ЗСТ и их возможные рамки; открыта рабочая группа по подготовке ЗСТ с Сингапуром; ориентировочно с конца 2017 г. начнутся переговоры о ЗСТ с Индией.

В перспективе 3–5 лет именно двусторонний трек ЕАЭС – страна-партнёр будет оставаться основным. По мере заключения соглашений о ЗСТ с Сингапуром и, возможно, другими странами ЮВА, в перспективе 5–7 лет возможно начало активных

ЕАЭС – это ценнейший актив, который Россия должна беречь и требовать того же от других стран объединения

Можно констатировать, что внешний запрос на интеграцию с ЕАЭС пока значительно превышает возможности Союза – сегодня подано более 40 заявок на создание ЗСТ с ЕАЭС, но нынешние семь переговоров на данном этапе – организационный потолок Комиссии. Пока заключено только одно соглашение о ЗСТ с Вьетнамом (29 мая 2015 г.). Сейчас в активной работе у ЕАЭС находятся страновые треки со следующими партнёрами:

переговоров о ЗСТ ЕАЭС – АСЕАН. О полноценном участии ЕАЭС в мегарегиональных торговых соглашениях и интеграционных проектах можно будет говорить не ранее, чем через 7 – 10 лет. Тогда ЕАЭС может стать полноценным участником и ВРЭП, и большого евразийского партнёрства как общей рамки регионального сотрудничества.

Снижение барьеров для торговли

Ключевая цель в торгово-экономических переговорах с азиатскими странами – снижение тарифных и нетарифных барьеров, препятствующих доступу российской продукции на региональные рынки. В части тарифных ограничений Россия будет добиваться либерализации тарифных барьеров по наиболее защищенным направлениям из тех, что представляют интерес для российских экспортеров, прежде всего из ДВФО. Есть случаи, когда, несмотря на запретительные пошлины (более 100%), поставки всё равно открываются (например, по кукурузе в Республику Корея). Но для наращивания экспорта важно последовательное отстаивание снижения таких барьеров.

Высокие заградительные пошлины в основном применяются на продукцию первых пяти разделов товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности:

- *живые животные и товары животного происхождения;*
- *продукты растительного происхождения;*
- *жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления, готовые пищевые жиры, воски животного или растительного происхождения;*

- *готовые пищевые продукты, алкогольные и безалкогольные напитки и уксус, табак и его заменители;*
- *минеральные продукты.*

Именно по этим категориям необходимо в первую очередь оказывать поддержку российским экспортерам. Однако стоит учитывать, что некоторые запретительные пошлины функционируют в соответствии с договором при вступлении в ВТО, поэтому в этих направлениях малоперспективно что-то снизить через механизмы ВТО. Это лишний раз доказывает необходимость заключения преференциальных торговых соглашений.

В рамках переговоров по торговым соглашениям важно понимать, какие рынки необходимо открыть в первую очередь. Это не получится сделать бесплатно. В обмен партнёры потребуют открытия рынков стран ЕАЭС. Этого не надо бояться – по многим товарным позициям, интересным азиатским партнёрам, у России есть резерв безболезненного снижения таможенных барьеров.

Что касается нетарифных ограничений, то эти барьеры играют ещё большую роль в ограничении доступа российских производителей на азиатские рынки, чем высокие таможенные пошлины. Типичным примером является рынок сельскохозяйственной продукции, где все ведущие азиатские страны активно применяют санитарные и фитосанитарные барьеры, особые требования к упаковке и маркировке, способу перевозке, сертификации и т.д. Поэтому необходимо как поднимать вопрос о снятии нетарифных барьеров в рамках переговоров по торговым соглашениям, так и налаживать регулярные связи с профильными ведомствами, которые отвечают за внедрение нетарифных мер.

Важна активизации России по торговым спорам в рамках ВТО. Все ключевые российские

партнёры в АТР являются членами ВТО, однако лишь Сингапур практически полностью уведомляет остальных членов Организации о внедрении новых мер. В ВТО есть смысл рассматривать не только вопрос о мерах как таковых, но и о повышении информированности третьих стран о таких мерах.

В части тарифных ограничений Россия будет добиваться либерализации тарифных барьеров по наиболее защищенным направлениям из тех, что представляют интерес для российских экспортеров, прежде всего из ДВФО

Большинство нетарифных барьеров являются техническими барьерами в торговле, санитарными и фитосанитарными мерами, поэтому необходимо в каждом отдельном случае рассматривать такие меры и оценивать, не являются ли они излишними. При наличии подобных опасений необходимо поднятие вопросов в соответствующих комитетах. При безрезультативности данных действий – заводить дело в Органе по разрешению споров ВТО.

С точки зрения снижения важности санитарных и фитосанитарных норм как инструментов защиты внутреннего продовольственного рынка и обеспечения продовольственной безопасности, целесообразно поднимать на международных площадках, таких как Восточноазиатский саммит, Форум Шёлкового пути, саммиты БРИКС, альтернативную концепцию национальной продовольственной безопасности. Суть её состоит в смещении фокуса контроля с внутреннего рынка продовольствия на каналы поставок. И такую концепцию выгодно реализовывать через стратегические партнёрские связи с Россией.

Российские ведомства, чья работа нацелена на продвижение экспорта, должны в опе-

ративном режиме выстроить эффективные и постоянные каналы обмена информацией и оперативного диалога и с ЕЭК, и с ВТО. Первая сможет отставить интересы экспортеров через торговые переговоры, через вторую можно проводить постепенную работу по снятию излишних заградительных мер.

В отличие от тарифных барьеров, которые на настоящий момент логичнее обсуждать с каждой конкретной страной в двустороннем формате (по линии ЕАЭС – страна), вопросы о многих типах нетарифных барьеров могут быть вынесены и на многосторонний уровень. Постепенная ликвидация нетарифных барьеров, облегчение таможенного оформления, упрощение таможенных процедур (в том числе через электронизацию), санитарной инспекции – всё это ключевые шаги на пути к построению партнёрства Большой Евразии.

Укрепление системы поддержки экспорта

Стратегия долгосрочного торгово-инвестиционного сотрудничества в Большой Евразии должна исходить из того, что на смену экстенсивной модели экономического роста, основанной на дешевой рабочей силе и растущем потреблении энергоресурсов и других видов сырья, постепенно приходит иная модель социально-экономического развития. Она характеризуется замедлением темпов роста и постепенным расширением внутреннего спроса в развивающихся экономиках на фоне роста доходов населения. Такая модель обуславливает относительно меньшие темпы роста спроса на ресурсы (энергоресурсы, металлы) и инвестиционные товары (оборудование, строительные услуги).

Расширяющийся сегмент – потребительские товары, в том числе товары длительного пользования.

Проблема, однако, в том, что российские производители пока не готовы в массовом порядке работать в этом сегменте. В отличие от рынка сырья и инвестиционных товаров, в случае с потребительскими товарами гораздо большее значение имеют вкусы и предпочтения потребителей, зачастую весьма специфические. Поэтому гораздо большую роль играет маркетинг, предполагающий необходимость присутствия в информационном пространстве страны-импортера.

Кроме того, рынки азиатских стран в целом очень закрыты, причём барьерами выступают как высокие таможенные пошлины, так и многочисленные нетарифные ограничения. Если в случае с сырьевыми товарами поддержка экспортеров заключалась преимущественно в достижении договоренностей на политическом уровне, то в случае с потребительскими товарами на первую роль выходит способность государства добиться открытия рынков (например, в рамках торговых соглашений), а также обеспечить принципиальное усиление системы мер поддержки экспорта: экспортного кредитования и страхования, предоставления государственных гарантий, оказания услуг консалтинговых центров и активизации торговых представительств.

Действующая система институтов поддержки экспорта, включающая ЭКСАР, Росэксимбанк, Российский экспортный центр, Агентство Дальнего Востока по поддержке экспорта и привлечению инвестиций и др. пока не вполне справляется с этой задачей. Основная проблема – недостаток финансирования. Так, уставный капитал ЭКСАР в десятки раз меньше уставного капитала экспортно-кредитных агентств в ведущих экономиках мира. В то же время в связи с высокой стоимостью кредита в России льготное экспортное кредитование приобре-

тает особую значимость. А партнёрам нужны именно государственные гарантии, поскольку в текущей международной обстановке Россия часто рассматривается как страна с относительно высокими политическими рисками. Особенно такие меры поддержки необходимы малому и среднему бизнесу. Последний должен постепенно превращаться в главный драйвер торгово-инвестиционного сотрудничества с азиатскими странами, но при этом в настоящее время он практически выпал из системы государственной поддержки экспортеров.

Отдельное направление поддержки экспорта – информационное. Целесообразна разработка комплексной системы взаимодействия с российскими экспортерами, через которую будет передаваться актуальная информация по существующим преградам в исследуемых странах. Это может быть дополняющая платформа к мониторингам «Единого портала внешнеэкономической информации». Особая поддержка нужна в части позиционирования российских товаров в информационном пространстве азиатских стран, включая вопросы маркетинга, брендинга, поиска каналов сбыта и т.д. Такие формы поддержки тоже было бы целесообразно развивать, комбинируя их с более тесной интеграцией в информационное пространство АТР.

Налаживание технологического сотрудничества в Азии и в Евразии

Последний по времени и, наконец, эффективный поворот России на Восток задумывался десятилетие тому назад как преимущественно экономический. С опозданием стала очевидной необходимость подключения к азиатскому росту всей страны. Второй задачей было обеспечение ускоренного роста и развития сибирских и дальневосточных регионов страны. Неафишируемой целью было изменение структуры крайне невыгодных внешнеэкономических

связей России, сложившейся в годы развала 1990-х и хаотичного восстановления 2000-х, когда страна за нефть и газ получала дорогие и часто экономически неэффективные потребительские и инвестиционные товары преимущественно из Европы. Существовала и такая цель – поворотом к Востоку сместить баланс сил в отношениях и торговле с последней. Но с середины 2010-х гг. поворот стал играть допол-

А партнёрам нужны именно государственные гарантии, поскольку в текущей международной обстановке Россия часто рассматривается как страна с относительно высокими политическими рисками

нительную роль – диверсификация чрезмерной зависимости от Запада в первую очередь в технологической области.

Поворот на Восток призван, в том числе, стать инструментом преодоления последствий осложнения отношений со странами Запада для технологической области

Поворот на Восток призван, в том числе, стать инструментом преодоления последствий осложнения отношений со странами Запада для технологической области. Сейчас Россия сталкивается с постепенно усиливающимся режимом технологических санкций со стороны США и Евросоюза, которые носят как формальный, объявленный, так и скрытый характер. Сейчас, по прошествии трех лет после введения против России санкций в связи с ситуацией на Украине, становится ясно, что даже формальные санкции носят долгосрочный характер.

Что касается неформальных санкций, связанных с дискриминацией российских компаний в доступе к оборудованию и технологиям по сравнению с предприятиями не только развитых западных, но и многих развивающихся стран, то такие санкции имели место даже в благополучные 2000-е гг. и будут усиливаться даже в случае отмены формальных ограничений. Среди наиболее пострадавших российских высокотехнологичных отраслей – космическая, в большой степени зависевшая от широкой международной кооперации, использования иностранных компонентов и осуществления коммерческих космических пусков.

Сталкиваясь с негативными изменениями в соотношении военных сил с Китаем и другими крупными развивающимися странами, США и их союзники будут обращать особое внимание на ограничение распространения технологий двойного назначения, играющих на более важную роль в современных военных проектах. Исходя из известных приоритетов американской Оборонной инновационной инициативы и развиваемой в её рамках «третьей стратегии компенсации», речь будет во многом идти о технологиях, критически важных и для гражданской экономики, таких как искусственный интеллект, робототехника, аддитивные технологии, беспилотные подводные аппараты и т.п.

Проигрывая в международной конкуренции, США пытаются использовать оставшиеся лакуны лидерства – в технологиях, СМИ, чтобы замедлить или повернуть вспять этот процесс. Понятно, что ограничения на передачу технологий направлены не только против России, но и других поднимающихся западных стран, прежде всего Китая. При этом,

ограничивая передачу технологий, вводя санкции, США и те из их союзников, которые следуют за ними, подрывают тот самый либеральный экономический порядок, который сами и создали. И это проходит под фарисейским обвинением других в его подрыве.

Санкции и другие виды протекционизма становятся «новой нормальностью». В этой ситуации незападные, да и многие западные государства стоят перед необходимостью не только защитить свои интересы, но и сохранить, насколько возможно, открытую либеральную внешнеэкономическую среду. Эта задача – одна из целей, как отмечалось, формирования пространства развития сотрудничества Большой Евразии.

Обладая более скромным научно-техническим потенциалом, чем современные США или СССР в период холодной войны, Россия и Китай, ограничивая взаимное сотрудничество, обрекают себя на неизбежное отставание

Создание технологических альянсов по ряду направлений между Россией и Китаем, Россией и Индией, другими странами БРИКС является необходимым в условиях, когда США и другие западные страны всё очевидней делают ставку на максимизацию своего главного сохраняющегося преимущества – технологического. Препятствием для движения в данном направлении является доминирующий в России и, особенно, в Китае экстремальный «технологический национализм». Китай и в меньшей степени Россия склонны воспринимать практически любой импорт технологий и продукции двойного назначения как угрозу национальной безопасности.

За последние три года Россия и Китай добились существенного роста в военно-тех-

ническом сотрудничестве. В частности, объем поставок российских товаров и услуг военного назначения в 2016 году впервые превысил 3 млрд долл. в номинальном выражении, при этом портфель китайских заказов для российского ВПК превышал 8 млрд долл. Однако такой рост достигнут за счет небольшого числа крупных контрактов (например, на поставки самолетов Су-35, зенитных ракетных комплексов С-400 и т.п.), и нет уверенности, что достигнутый показатель удастся удержать.

Возможно, для укрепления сотрудничества России имело бы смысл рассмотреть возможности ограниченных закупок китайской техники по тем направлениям, где у китайцев есть явное преимущество, например, отдельные категории беспилотных летательных аппаратов. Технологические альянсы, которые имеют место сейчас между двумя странами в оборонной промышленности и ряде смежных секторов, судя по всему, рассматриваются обеими сторонами как временные и в конечном счете нацелены на то, чтобы после усвоения недостающих технологий полностью замкнуть соответствующие производственные цепочки на своей территории. Такая политика, если она существует, обрекает страны на отставание.

Напротив, США стремятся максимально использовать научно-технический потенциал своих союзников. Проект производства истребителя F-35 развивается с участием девяти стран. Япония и Израиль принимают активное участие в развитии американских программ противоракетной обороны (ПРО). США широко привлекают субподрядчиков из союзных стран к разработке и производству других критически важных систем вооружения и в отдельных случаях импортируют вооружения и военную технику европейского производства.

Россия и Китай в своем технологическом национализме опережают не только США, но и СССР 1950 – 1980-х годов. СССР активно занимался выстраиванием производственной кооперации со странами Варшавского Договора. Производство отдельных видов вооружений и военной техники было целиком доверено союзникам. Например, производство реактивных учебных самолетов для советских ВВС осуществлялось в Чехословакии, десантных кораблей, легких транспортных самолетов и вертолетов – в Польше, отдельные типы малых боевых кораблей закупались в ГДР.

Обладая более скромным научно-техническим потенциалом, чем современные США или СССР в период холодной войны, Россия и Китай, ограничивая взаимное сотрудничество, обрекают себя на неизбежное отставание. Этому мешает нехватка информации, высокомерие и нехватка политического доверия. Сторонам придется преодолеть эти трудности, чтобы двигаться вперед. Имеющихся проектов в сфере ВПК и технологий двойного назначения (российско-китайский широкофюзеляжный самолет, российско-китайский тяжелый вертолет) явно недостаточно.

Китай стал в 2016 г. главным направлением экспорта российской невоенной промышленной продукции. По статье «машины, оборудование и аппаратура» на него пришлось 17,6% всех поставок данного вида на сумму 1,2 млрд долл. Кроме того, Китай является крупнейшим покупателем российских инструментов и измерительного оборудования и заметным покупателем продукции российского транспортного машиностроения. Однако только чуть более 6% суммарно составила в 2016 г. доля данной продукции в российском экспорте в КНР. В крайне значительном объеме поставок машин и оборудования из Китая (35,3% китайского экспорта в Россию) присутствует доля продукции западных брендов (мобильные телефоны, мо-

ниторы, компьютеры)⁵. Здесь доля китайской добавленной стоимости не является доминирующей – в диапазоне 10–50% по разным категориям продукции. Сторонам пока не удастся создать отношения глубокой взаимозависимости, которые позволили бы использовать потенциал друг друга для ослабления возможного давления со стороны Запада.

Необходимо осознать, что Россия и Китай в существующих в международной политике условиях будут обречены на тесное сотрудничество в промышленной сфере на неопределенно долгое время. В противном случае обе страны рискуют оказаться неспособными ответить на новые технологические вызовы со стороны США, опирающихся на систему технологических партнёрств с рядом крупных индустриально развитых стран.

В развитии партнёрства необходимо опираться на позитивный опыт, накопленный в военно-промышленном комплексе, космической и ядерной промышленности, постепенно углубляя его и распространяя на новые области. Важно создать условия для вовлечения в кооперацию между Россией и Китаем партнёров по ЕАЭС и, в тех случаях, когда это политически целесообразно – и других стран АТР и БРИКС. Целесообразно создание эффективной системы информационного обеспечения двустороннего сотрудничества, ориентированного на МСП, в том числе за счет создания электронных торговых площадок.

Уже в среднесрочной перспективе стоит ориентироваться и на создание многосторонних технологических альянсов с корпорациями тех «западных» стран, которые тяготеют навязываемыми им нелиберальными экономическими порядками. Наиболее выгодные и очевидные партнёры – Япония, Республика Корея, Сингапур. Весьма вероятно, что через шаг

⁵ По данным International Trade Center. URL: <http://www.trademap.org/Index.aspx>.

из режима экономической войны будут стремиться вырваться и некоторые ведущие западноевропейские страны.

Сотрудничество с международными институтами развития

Привлечение институтов развития важно в первую очередь для реализации инфраструктурных проектов на территории России: проектов, нацеленных как на наращивание связей со странами Азии для приграничных регионов, так и на создание таких связей для континентальных районов России, прежде всего расположенных в сибирском ФО. Сегодня спектр возможных участников подобных проектов значительно расширился по сравнению с началом политики поворота в 2011 г. В регионе созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, действует Новый банк развития БРИКС, Фонд Шёлкового пути, наращивает активность Азиатский банк развития, всё более эффективным медиатором проектов выступает Евразийский банк развития. Для повышения эффективности использования российских ресурсов в данных институтах представляются целесообразными следующие шаги:

- *наращивание числа предлагаемых проектов и привлечение эффективных консультантов для подготовки заявок;*
- *параллельное продвижение российских проектов через переговоры ЕЭК в рамках согласования неpreferенциального торгового соглашения с Китаем (по дальневосточным проектам, по проектам модернизации российских участков транспортных коридоров проекта «Один пояс, один путь», по развитию Северного морского пути), переговоров о целесообразности заключения ЗСТ с Южной Кореей*

(с упором на развитие инфраструктуры для наращивания экспорта в эту страну, в том числе по строительству зерновых терминалов на Дальнем Востоке), переговоров о ЗСТ с Сингапуром (для популяризации российских проектов в рамках Азиатского банка развития) и в скором будущем – с Индией (по проектам в рамках международного транспортного коридора «Север-Юг»).

- *поднятие вопроса о непропорциональности взносов в уставный капитал и распределения проектов на встречах курирующих министров, а в случае продолжающегося фактического саботажа российских проектов – и на высшем уровне;*
- *использование широкого спектра инструментов поддержки со стороны институтов развития, что позволит увеличивать доходность от вложений, ориентируясь на успешную практику поддержки региональных проектов со стороны ЕБРР и АБР, в наибольшей степени вовлеченных в инфраструктурные проекты в Евразии.*

Стратегической задачей для России при настраивании работы с институтами развития в рамках отдельных проектов представляется последовательное продвижение комплексного подхода к развитию территорий. России важно не просто обустроить транзитные коридоры, а использовать создание новой инфраструктуры для развития собственных территорий, обеспечив связь между ресурсами, производствами и рынками сбыта. В этой связи представляется важным мониторинг и своевременная координация подобных проектов со стороны как российских профильных ведомств, так и Евразийской экономической комиссии.

Новое международное позиционирование Дальнего Востока

Новое информационное позиционирование Дальнего Востока важно не только для инвесторов, но и для будущих покупателей. Участие представителей региона в азиатских форумах, статусных событиях, отраслевых выставках – необходимые инвестиции в репутацию региона. Нужна системная пиар-компания бренда дальневосточной продукции в Азии под условным девизом «близко, инновационно, экологично, модно». Укрепление репутации Дальнего Востока может сопровождаться развитием креативных пространств в регионе, организацией музыкальных и кинофестивалей, ориентированных на страны Азии. Современное медиапространство делает сферы для такого

ство, целесообразно рассмотрение Владивостока как принимающего города или одной из региональных штаб-квартир для подобных инициатив.

С точки зрения информационного позиционирования региона в Азии, важно распространение информации о Дальнем Востоке на национальных языках Азии, реклама региона не только среди инвесторов, но и среди широких слоев населения, работа с представителями популярной культуры, «лидерами мнений», использование позитивного опыта других стран, активно задействовавших киноиндустрию для популяризации своих туристических возможностей. Крайне успешно на этом поле работает Испания, напрямую финансирующая создание фильмов об Испании с индийскими героями на болливудской студии (фильм стал одним из лидеров проката в Индии) и заказывающая фильм всемирно известному режиссеру Вуди Аллену, после которого популярность Барселоны среди иностранных туристов резко увеличилась. Аналогичные меры в отношении китайских, корейских, японских зрителей могут резко повысить популярность Дальнего Востока. Комплексная стратегия медийного продвижения Дальнего Востока в Азии – необходимое условие для реализации туристического потенциала региона. И, безусловно,

она должна сопровождаться реальными мерами по повышению доступности туризма для иностранцев в ДВФО.

Важна и реклама как таковая. Несмотря на сложности в китайско-американских отношениях первая реклама, которую видят пассажиры, прилетающие в международный аэропорт Вашингтона – это реклама туризма в Китае. Сегодня уже предпринимаются меры по созданию инвестиционной репутации

России важно не просто обустроить транзитные коридоры, а использовать создание новой инфраструктуры для развития собственных территорий, обеспечив связь между ресурсами, производствами и рынками сбыта

продвижения практически неограниченными для региона с уникальными природными ландшафтами, лучшей экологией среди большинства развивающихся стран Азии, обширными возможностями для гастрономического, фото-, экотуризма. При необходимом продвижении в будущем панъевразийских форматов, таких как евразийские города культуры, программы университетских обменов, евразийское информационное агент-

Дальнего Востока, но важна и реклама региона не только среди инвесторов, но и среди широких слоев населения – потенциальных туристов и покупателей дальневосточной продукции.

Развитие Дальнего Востока как центра производства, пересечения транспортно-логистических цепочек, образования и науки должно стать центральным элементом российской части стратегии построения

как земля возможностей для энергичных, талантливых, желающих позитивной карьеры, заслуженного благосостояния и достатка.

Дальний Восток и Сибирь должны, как и зачастую в прошлые века, стать местом для инициативы, успеха, свободы, местом применения творческих сил и энергии, застаивающихся в условиях политической стабильности, слабых социальных лифтов и экономической стагнации групп населения, особенно молодёжи. Можно и нужно наряду с развитием экономики и интеграции региона в Азию сделать его модным и престижным методами эффективной и дешевой информационной стратегии. А проникновение в динамично развивающуюся Азию должно стать таким же символом успеха, каким в последние три века была для россиян интеграция в Европу. Естественно, что при этом необходимо подчёркивать сохранение культурной общности с Европой,

готовность вместе с ней идти в Азию. Владивосток – самый европейский город Азии.

Нужно на информационно-политическом уровне интегрировать развитие Дальнего Востока в более широкую концепцию создания Большой Евразии. Концепция, повторим, кроме всего прочего призвана погрузить тупик в отношениях с Европой и провал проекта строительства стабильной системы европейской безопасности и сотрудничества в более широкий контекст, исходя из новых линий взаимодействия с европейскими партнёрами. При этом с позиции новой силы и уверенности России. Не только выдержавшей противостояние с Западом, но и изменяющей экономическим и политическим поворотом на Восток международный баланс сил.

Информационным стержнем этой стратегии в России может стать идея о престижности Дальнего Востока и связанных с его развитием проектов как региона, географически расположенного в наиболее динамично развивающейся части мира и ориентированного вовне

партнёрства Большой Евразии – пространства совместного развития, сотрудничества государств-членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС, а в перспективе – ЕС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах. Информационным стержнем этой стратегии в России может стать идея о престижности Дальнего Востока и связанных с его развитием проектов как региона, географически расположенного в наиболее динамично развивающейся части мира и ориентированного вовне, символа отхода от ресурсной экспортной модели в сторону производства и экспорта высококачественной продукции высокого уровня переработки. Дальний Восток и связанные с ним другие сибирские регионы должны вновь продвигаться

#Valdaiclub

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

ISBN 978-5-906757-64-7

9 785906 757647